

Николай Эдуардович Фере
(1897-1981)

Фере Н. Э. Мой учитель

М.: Правда, 1953 г., 103 с.
Переиздано:
Воспоминания о Макаренко.
// Л., 1960, с. 99-232.

Автор публикуемых ниже воспоминаний в течение пяти лет (1924-1928) работал в детской колонии имени М. Горького в качестве помощника А.С. Макаренко – сначала по сельскому хозяйству, а затем по всей производственной части. Тесно был связан автор записок с А.С. Макаренко и в последующие годы. В «Педагогической поэме» Н.Э. Фере изображён под именем агронома Эдуарда Николаевича Шере.

В своих воспоминаниях автор приводит подлинные фамилии колонистов и работников колонии имени М. Горького, указывая в скобках имена, под которыми они известны читателям «Педагогической поэмы».

*«Удивительный Вы человечине
и как раз из таких, в каких
Русь нуждается».*

*(Из письма А.М. Горького
к А.С. Макаренко, 12 июля 1926 г.)*

Содержание

Трибы и Ковалевка.....	2
Месяц без Макаренко. Театр. Школа....	14
Завоевание Куряжа.....	22
«Кладойскатели».....	29
Рабочий день Антона Семёновича	34
В борьбе с противниками.....	45
Горький у Горьковцев	53
Антон Семёнович о себе	64
Новые встречи. «Педагогическая поэма»	69
Заключение.....	74

ТРИБЫ И КОВАЛЁВКА

Дорога от Штеповских хуторов до Полтавы, известная под названием харьковского большака, считалась в 1921-1922 годах далеко не безопасной. С наступлением сумерек и конные и пешие путники, направлявшиеся по ней в Полтаву, предпочитали остановиться на хуторах, чтобы тронуться в дальнейший путь только с рассветом.

Сразу же за хуторами дорога, мощённая булыжником, входила в густой молодой лес, и только за два-три километра от окраины города начинался открытый её участок в пойме Коломака. Вблизи от дороги не было никаких селений, и лишь в одном месте, в глубине леса, виднелась крыша сторожки лесника.

Весной 1922 года мне пришлось побывать у этого лесника по делу об отводе одной лесной делянки. Я рассчитывал заблаговременно возвратиться домой, в Полтаву, но задержался и только на заходе солнца выбрался в обратный путь. Моим спутником был старый кустарь-корзинщик, заготавливавший вблизи сторожки лозу.

Добравшись по узкой тропинке до харьковского большака, мы ускорили шаги, чтобы поскорее миновать неприветливый лес. Мы шли уже минут двадцать, когда сзади послышался шум мотора. Скоро нас обогнал легковой автомобиль. Шофёр вёл машину на большой скорости, и на ухабах её бросало из стороны в сторону. Напуганный вид одного из пассажиров заставил встревожиться и меня и моего спутника.

– Не иначе, от кого-то удирают! – сказал корзинщик, и это было похоже на правду.

Когда уже кончился лес и старик несколько раз истово перекрестился, считая, что все опасности миновали, наше внимание привлёк грохот конной гарбы, доносившийся сзади. И тут же послышался шум телеги, приближающейся спереди, со стороны Полтавы.

Мы решили на всякий случай сойти с дороги под откос. Скоро гарба, запряжённая парой взмысленных лошадей, пронеслась мимо. Человек десять ребят разного возраста с вилами, палками, кольями в руках стояли и сидели в ней. Один из них, могучего телосложения, воинственно держал оглоблю, на конце которой развевался кусок верёвки. Невдалеке от нас гарба поравнялась с телегой, едущей ей навстречу, и обе повозки тотчас остановились. Сразу наступила тишина.

С телеги быстро соскочил мужчина средних лет в пенсне и громким голосом строго спросил:

– Ребята, вы куда?

Стройный черноволосый парень весело ответил за всех:

– Вас отбивать ехали, Антон Семёнович.

– Ну, на этот раз я и сам отбил. Поворачивайте, ребята, назад. А ты, Семён, пойдёшь со мной, расскажешь всё, что у вас там произошло.

Телега тронулась, гарба потянулась за ней.

Ребята теперь весело разговаривали, бросив вилы, колья и палки на дно гарбы. Оглоблю положили поперёк повозки, и на ней восседал великан, поразивший меня своим могучим телосложением. Теперь в нём не было ничего грозного и воинственного...

Мы поднялись по откосу на дорогу. Мой спутник сказал:

– Это ребята из колонии, которая вон там, слева от дороги, находится. А то – их заведующий. Строгий-то какой! Ребята страсть как его боятся.

В моей памяти сразу всплыли многочисленные слухи, ходившие среди обывателей Полтавы и о колонии и о её заведующем. Говорили, что там восстановлены старые методы воспитания, что там не признают никакой педагогики. Однако все соглашались, что заведующий колонией, – бесспорно, талантливый человек, имеет большое влияние на колонистов и они за него готовы идти «в огонь и в воду»...

Мне стало досадно, как это я сам не догадался, что за ребята ехали в гарбе и кем был тот человек в пенсне. И я пожалел, что не обратил должного внимания на Макаренко, личность которого не могла меня не заинтересовать.

Вскоре распространились слухи о последних событиях в колонии, связанные с тем, что я видел на харьковском большаке.

Рассказывали, что инспектор полтавского Наробраза, арестовав Макаренко за нарушение какой-то бюрократической формальности, выехал в колонию – назначить нового заведующего. Ребята же, узнав об аресте Антона Семёновича, якобы избили инспектора и заперли его в подвал, а сами, захватив наробразовский автомобиль, помчались в Полтаву и с боем освободили своего «атамана». Возвратившись с воспитанниками домой, Макаренко с позором выгнал инспектора, а автомобиль оставил у себя как трофей...

Желание узнать правду об этом происшествии и вообще о колонии и её заведующем не покидало меня.

Однажды, возвращаясь с охоты, я шёл вдоль реки Коломак и на берегу заметил трёх мальчиков в одежде колонистов. Они сидели, свесив ноги с крутого обрыва, и ели арбуз.

Я подсел к ним и попытался было завести разговор об их житье-бытье, но по односложным ответам ребят понял, что они относятся ко мне с недоверием.

Тогда я прямо спросил:

– Правда ли, что заведующего вашей колонией хотел арестовать какой-то начальник из Наробраза, а вы, ребята, этого не допустили?

Старший из колонистов, вихрастый парнишка, весело переглянулся со своим товарищем, которого он называл Цыганом.

– А вы разве не слышали, как было дело?

Я отрицательно покачал головой, и вихрастый паренёк, с сожалением посмотрев на меня, начал подробно рассказывать, «как было дело», испытывая видимое удовольствие от воспоминания об этой славной истории.

...Как-то утром заведующий уехал в Полтаву, а около двенадцати часов в колонию на автомобиле примчались два начальника. Позже ребята узнали, что это были инспектор Наробраза Шарин и председатель губернской инспекции Черненко.

Шарин вызвал дежурного воспитателя Ивана Ивановича Поповиченко (Осипова) и потребовал, чтобы тот провёл его в кабинет заведующего. Там Шарин объявил, что Антон Семёнович Макаренко арестован и в колонию больше не вернётся. Инспектор даже вскрыл стол Антона Семёновича и начал вытаскивать оттуда бумаги. После такой «подготовки» Шарин

предложил остолбеневшему Ивану Ивановичу принимать колонию и подписать соответствующий акт, который был уже заранее приготовлен.

Вертевшиеся возле кабинета ребята с молниеносной быстротой разнесли по колонии известие об аресте Макаренко. Большая часть колонистов в это время работала в поле, а в самой колонии оставались только малыши. Но среди них был кряжистый парень лет пятнадцати – шестнадцати – Супрун (Бурун). По словам рассказчика, Супрун, вообще говоря, считался тихим парнем, которого было не так-то легко вывести из себя...

Дежурный воспитатель ещё не успел и слова сказать, как в кабинет Антона Семёновича ворвались колонисты во главе с Супруном. Схватив Шарина за лацканы пальто, Супрун начал с силой трясти его. Со всех сторон неслись негодующие крики:

– Куда вы упрятали нашего Антона?

Черненко попытался было помочь Шарину высвободиться из рук Супруна, но перед ним вырос целый лес ребячьих кулаков, и он, решив, что в это дело лучше не вмешиваться, начал пробиваться к двери, а вслед за ним стал пятиться и незадачливый Шарин.

Шофёр, слышавший угрозы ребят, предусмотрительно завёл машину и, когда его пассажиры, отступавшие под натиском колонистов, вскочили в автомобиль, сразу же дал полный ход. В это самое время возвращалась с поля пустая гарба, управляемая Семёном Калабалиным (Карабановым), за нею шёл отряд старших ребят. Ещё издали они поняли, что в колонии творится что-то неладное, и тотчас примчались к месту происшествия.

Но автомобиль уже отъезжал. Раздались крики:

– Упустили!

Семён Калабалин крикнул:

– Едем отбивать Антона!

И человек десять – двенадцать старших ребят, а среди них мои знакомцы – вихрастый паренёк с Цыганом – вскочили в пустую гарбу.

Из всех воспитателей, находившихся в тот момент в колонии, сохраняла относительное спокойствие только Елизавета Фёдоровна Григорович (Екатерина Григорьевна). Но события развивались с такой быстротой, что повлиять на их ход она не могла и только удерживала ребят от чрезмерно агрессивных действий. В последнюю минуту, когда колонисты уже вскакивали в гарбу, Елизавета Фёдоровна успела собрать узелок с кое-какими вещами и едой.

– На, возьми! – крикнула она Калабалину, – Там, в Полтаве, отдашь Антону Семёновичу.

– Зачем Антону всё это, мы его самого сюда привезём!

Чтобы попасть на харьковский большак, нужно было проехать с километр узкой прямой дорогой среди молодого леса. Как только гарба выехала на эту дорогу, ребята увидели, что автомобиль забуксовал перед самым выездом на шоссе. Шарин круглыми от ужаса глазами смотрел на приближавшуюся повозку, а его спутник, Черненко, изо всех сил подталкивал автомобиль сзади. Положение беглецов становилось критическим. Ребята уже готовы были соскочить с гарбы, и... трудно сказать, что произошло бы дальше. Но шофёр в последнюю минуту догадался кинуть свой ватник под буксовавшее колесо, и автомобиль рывком выехал

на шоссе... Досада ребят была так велика, что доставшийся им в качестве трофея ватник шофёра они изорвали в клочья...

– Ну, а если бы вы настигли автомобиль, что бы вы сделали? – прервал я рассказ.

– На машину и в Полтаву, отбивать Антона! – не задумываясь, ответил Вихрастый.

Ребята помчались дальше, в Полтаву, на выручку Макаренко. А Антон Семёнович в это время уже возвращался в колонию. Его освободил из-под нелепого ареста начальник милиции, возмущённый самодурством наробразовцев.

...Вихрастый парень, недоверие которого ко мне уже прошло, рассказал и о последствиях столь негостеприимного приёма в колонии Шарина и Черненко.

Ребята решили, что Шарин будет мстить и арест Антона Семёновича может в ближайшее время повториться. Поэтому они приняли свои предупредительные меры против этого...

Теперь, когда Антон Семёнович собирается в город, рассказывал Вихрастый, кто-нибудь из старших ребят обязательно просится ехать вместе с ним, притворяясь больным. В Полтаве «больной» сразу начинает чувствовать себя лучше и уверяет Антона Семёновича, что, пожалуй, не стоит зря ходить в больницу и беспокоить врачей, а после этого уже ни на шаг не отходит от Макаренко.

В самой колонии ныне установлено постоянное наблюдение за прямой дорожкой, ведущей через лес к большаку: оттуда могут появиться «подозрительные» люди. У самого начала дороги, со стороны колонии, находится кузница; ребята, работающие в ней, и являются главными наблюдателями...

Однажды, когда рабочий день уже заканчивался, к Антону Семёновичу в кабинет вбежал старший кузнец, колонист Осадчий, и заявил, что его подручный Галатенко залез на сосну, упал и не может подняться. Антон Семёнович в сопровождении ребят быстро направился в лес.

Возле небольшой сломанной сосенки, на которую вообще нельзя было залезть, лежал Галатенко и стонал... Как я узнал потом, Галатенко был тем самым великаном с оглоблей в руках, чей богатырский вид в своё время поразил меня на шоссе.

На вопрос Антона Семёновича, как он себя чувствует, этот здоровенный парень жалобно ответил, что у него «в грудях пече, а в боци коле».

Но тут из колонии подросли ещё несколько ребят, и один из них что-то шепнул Осадчему. Тот просигнализировал Галатенко: «Кончай волынку, всё спокойно!» И тогда больной решительно заявил:

– Годи, полегшало, – и поднялся.

– В чём же дело было? – недоумевая, спросил я вихрастого рассказчика.

– Не поняли? – удивился он.

Оказалось, что ребята, работавшие в кузнице, заметили, как со стороны большака на дорогу, ведущую к колонии, свернул какой-то вооружённый отряд. Предполагая, что отряд направляется не иначе как за Антоном Семёновичем, Осадчий сразу же послал в лес своего подручного и приказал ему симулировать падение с дерева, а сам помчался к Антону Семёновичу, чтобы поскорее выпроводить его из колонии. Галатенко выполнил распоряжение

Осадчего очень бестолково, но цель всё же была достигнута. Только когда подошедшие позже ребята шепнули Осадчему, что опасность миновала – вооружённый отряд проследовал через усадьбу колонии без остановки, – Осадчий разрешил Галатенко «выздороветь».

– А как сам Антон Семёнович ко всему этому относится? Неужели он не знает обо всех этих ваших предупредительных мерах? – спросил я Вихрастого.

Тот, не задумываясь, с уверенностью, поразившей меня, ответил:

– Конечно, знает! Антон Семёнович – такой человек: ты ещё не начал думать, а он уже знает, что ты будешь думать!

– Да что твой Антон – колдун? – вмешался в разговор Цыган.

– Колдун не колдун, а вот вечером на собрании посмотрит на тебя и спросит: «Цыган, где ты арбуз сегодня стащил и кто тебе помогал?» И ты думаешь, откажешься? Врёшь, сам всё ему расскажешь. Это тебе не детдомовские тётеньки, а Антон! Понял? Антон! Его вокруг пальца не обведёшь.

Третий колонист, которого я мысленно уже назвал «Молчаливым», оторвал свой мечтательный взгляд от воды и тихо сказал:

– Ребята, я знаю... Антон – это всё равно, как Ворошилов на коне... И всё насквозь видит!..

Издали послышались трубные сигналы. Ребята вскочили: «Э, да мы на обед опоздаем!» – и исчезли в прибрежных кустах.

Рассказ колонистов заставил меня глубоко задуматься: кто же на самом деле этот Макаренко, о котором столько вздорных слухов распространяется в Полтаве? Как сумел он заслужить такую беззаветную преданность ребят? Ведь не случайно же в их представлении Антон Семёнович – настоящий полководец, «Ворошилов на коне»!

Прошло, однако, больше года, прежде чем мне удалось лично познакомиться с А.С. Макаренко.

Моя знакомая, бухгалтер Е.А. Пышнова, поступившая на работу в колонию, однажды предупредила меня, что Антон Семёнович подыскивает себе помощника – специалиста в области сельского хозяйства. Это и послужило предлогом для знакомства.

Наша встреча состоялась в начале апреля 1924 года, в Полтавском отделе народного образования. Был уже вечер. В полутёмной комнате, утомлённый спорами с работниками Губнаробраза, Антон Семёнович принял меня не очень приветливо. Ни о чём не расспрашивая, он сразу заговорил о положении хозяйства колонии.

Колония имени М. Горького, расположенная пока ещё в маленьких Трибах, должна освоить полученное ею большое хозяйство в Ковалёвке, на другом берегу реки Коломак. Колония испытывает серьёзные затруднения с продовольствием. Земли в Трибах немного, около двенадцати гектаров, а почва – сыпучий песок. Урожай иногда даже не покрывают расходов на семена. В Трибах невозможно правильно организовать труд колонистов, являющийся основой воспитательно-педагогической работы с ними. В Ковалёвке же до 80 гектаров земли и почва хорошая – чернозём; там есть луга и сад. Туда, во вторую колонию, назначен заведующим Иван Петрович Ракович (Горович) и уже переброшен отряд колонистов.

Сельское хозяйство должно быть построено на научных основах и вестись образцово. Поэтому, сказал Антон Семёнович, он и решил пригласить в качестве своего помощника специалиста-агронома.

Он ставил задачу – во что бы то ни стало успешно закончить предстоящий весенний сев и уже в этом году полностью обеспечить потребность колонии в овощах, а в будущем году – в жирах и в молоке. Он подчеркнул, что не может быть и речи о привлечении для сельскохозяйственных работ какой бы то ни было наёмной рабочей силы, кроме небольшого числа руководителей-специалистов. Пусть ребята на первых порах будут выполнять ту или иную работу и хуже, чем опытные рабочие, но они должны почувствовать полную ответственность за своё хозяйство и не быть нахлебниками государства. Может быть, и не все колонисты сразу захотят работать как следует, нужно суметь правильно подойти к ним, сделать работу интересной, развить в них чувство гордости за хозяйственные успехи колонии.

Поэтому, сказал Антон Семёнович, он хотел бы, чтобы его помощник по сельскому хозяйству был не только сведущим агрономом, но в такой же степени и чутким педагогом-воспитателем.

Антон Семёнович не скрывал трудностей работы, не скрыл он и своих сомнений в моих силах: я был ещё молод, только три года назад, в 1921 году, окончил вуз, а педагогической деятельностью не занимался вовсе. Однако весна была не за горами, и он сказал, что если я согласен работать, то необходимо не позднее середины апреля приступить к делу в Ковалёвке.

Я раздумывал. Как ни молод я был, у меня хватило жизненной опытности, чтобы отчётливо представить себе, какой нелёгкий путь ожидает меня. А неприветливый приём Антона Семёновича вызвал ещё опасение, что мне не удастся с ним сработаться. Мелькнула мысль отказаться от дальнейших переговоров, но молодость взяла своё: она подсказала мне, что пренебречь интересной работой под руководством талантливого человека только потому, что эта работа трудна, – признак непростительной слабости.

В назначенный день, 14 апреля 1924 года, к моей квартире подкатила двуколка – «бида», – которой управлял паренёк двенадцати – тринадцати лет.

Надо было ехать, но рой противоречивых мыслей снова овладел мною.

– А он поедет с нами? – доверчиво спросил маленький возница, показывая рукой на моего пса Трубача, вертевшегося около биды.

Что мог я ему ответить? Сказать, что Трубач поедет, если хозяин поедет, а вот хозяин сам не знает, что ему делать? Быть может, этот доверчивый вопрос паренька и решил мою судьбу.

Отбросив всякую нерешительность, я весело сказал: – Конечно, едет, вместе с хозяином!

Погрузив мой несложный багаж на двуколку, мы поехали в Ковалёвку, минуя Трибы, где в то время находился Антон Семёнович.

По дороге паренёк, передав мне вожжи, резвился с Трубачом, то забегал вперёд, то отставал и, только утомившись, присаживался в биду отдохнуть.

К вечеру, по весенней распутице, мы наконец добрались до Ковалёвки. Моя работа в колонии началась.

Весна уже вступила в свои права. Наши соседи начали пахоту и боронование, а кое-кто и сев. Надо было и нам выезжать в поле без промедления...

На другой день, в восемь часов утра, возле конюшни собрались колонисты и воспитатели. Ещё не зная ни земельных участков, ни рабочей силы, ни оборудования, я сразу же вынужден был начать распоряжаться – указывать кому что, где и как делать... Ясно, что раздумывать о каком-то специальном подходе к ребятам было просто невозможно. Надо было поспеть всюду: в одном месте – наладить плуг, в другом – отрегулировать сеялку, в третьем – показать, как надо очищать семена, в четвёртом – ускорить погрузку мешков с семенами, в пятом – отмерить участок под бахчу, в шестом – помочь запрячь лошадь...

С первого же дня у меня установились по-деловому хорошие отношения с ребятами. Может быть, это потому и произошло, что, весь поглощённый делом, я не вёл никаких специальных «педагогических» разговоров, а сам работал и требовал от ребят работать в интересах колонии.

Сталкиваясь с ними повседневно, я видел, что в их представлении колония и Макаренко – одно неразрывное целое. За глаза ребята часто называли Антона Семёновича просто Антоном. Хотя и воспитатели и я боролись с этой фамильярностью, но искоренить её не удавалось. По правде говоря, эта борьба была только формальной. Нам никогда не приходилось слышать, чтобы колонист, назвавший Макаренко Антоном, сделал это пренебрежительно или с досадой. Наоборот, когда ребята говорили: «Наш Антон», – за этим всегда чувствовалось их уважение и нежность к своему наставнику.

Ребята видели и чувствовали, что колония, руководимая Антоном Семёновичем, нужна прежде всего им самим, так как помогает каждому из них забыть своё тяжёлое прошлое и ясной, понятной дорогой ведёт к хорошей, трудовой жизни. Поэтому и работали они, как правило, хорошо.

Среди ребят второй колонии находился Молчаливый – один из тех трёх колонистов, с которыми я встретился прошлой осенью на берегу Коломака. Как-то мы вместе возвращались с поля и разговорились об Антоне Семёновиче. Макаренко обещал Молчаливому разыскать его мать и сестрёнку, от которых мальчик случайно отстал во время эвакуации в годы гражданской войны.

Бесхитростная вера в Антона Семёновича так и сквозила во всех словах Молчаливого, когда он рассказывал об этом.

– Антон Семёнович всё может сделать, если пообещает!¹

Я узнал от Молчаливого, что Вихрастый стал уже командиром отряда в Трибах, а Цыган из колонии убежал. Однако Молчаливый тут же уверил меня, что Цыган обязательно вернётся к Антону Семёновичу:

– Ему теперь без нашей колонии не жизнь!

¹ А.С.Макаренко позже действительно выполнил своё обещание Молчаливому разыскать его родных.

Многие колонисты инстинктивно угадывали основную цель и смысл всех педагогических усилий своего строгого воспитателя. Но то, в чём так хорошо разобрались ребята, осталось непонятным горе-учёным и многим педагогам того времени, ещё отравленным идеями буржуазной педагогики. Они не видели и не хотели видеть ту новую педагогическую правду, которую так чутко отыскивал в самой советской жизни Макаренко. Но об этом я расскажу после.

Недаром Антон Семёнович предупреждал меня, что я должен быть не только агрономом, но и воспитателем. Однажды, а разгар посевной страды, он прислал мне из первой колонии записку с просьбой обязательно принять участие в назначенной им политбеседе, даже если моё отсутствие неблагоприятно отразится на выполнении сельскохозяйственных работ.

Темой беседы была знаменитая речь В.И. Ленина на III Всероссийском съезде комсомола.

– Я уже не первый раз беседую с вами на эту тему, – начал Антон Семёнович, – но среди нас есть новые работники, и мне кажется необходимым ещё раз остановиться на этом замечательном творческом документе марксизма, излагающем основные теоретические вопросы воспитания молодёжи в духе коммунизма.

Он с увлечением излагал содержание ленинской речи и обратил наше особое внимание на два утверждения Владимира Ильича:

«Надо, чтобы всё дело воспитания, образования и учения современной молодёжи было воспитанием в ней коммунистической морали».

«...на место старой учёбы, старой зубрёжки, старой муштры мы должны поставить умение взять себе всю сумму человеческих знаний, и взять так, чтобы коммунизм не был бы у вас чем-то таким, что заучено, а был бы тем, что вами самими продумано...»

Я понял тогда, что в этом именно и заключались основные принципы той педагогической системы, которую неустанно разрабатывал Макаренко, принципы всей его повседневной педагогической деятельности. Он хотел, чтобы и наши действия зиждились на этих же основах.

Потом разговор, естественно, перешёл на тему сегодняшней беседы, и Антон Семёнович высказал мысль о том, что, устраняя былую бессмысленную муштру в воспитательной работе, мы должны сохранить некоторые внешние формы старой дисциплины, наполнив их принципиально новым содержанием.

– Добиться этого нелегко, – говорил он, – но нужно. Без строгой дисциплины не обойтись.

Так как объём сельскохозяйственных работ во второй колонии непрерывно увеличивался, приходилось ежедневно перебрасывать в Ковалёвку значительную часть колонистов из Трибов. Это было хлопотно, сопряжено с излишней потерей времени и сил, а кроме того по дороге ребят невольно вводили в искушение хуторские сады, огороды и бахчи. Очень скоро посыпались жалобы. Владельцы «соблазнов» начали устраивать засады в часы движения отрядов. Колонисты восприняли это как открытие военных действий против них, и «война» началась. Пришлось Антону Семёновичу энергично вмешаться в этот конфликт, и любители

чужих арбузов, яблок и прочих даров земли на некоторое время были лишены права работать во второй колонии, а вместе с тем и удовольствия выкупаться в реке Коломак, через которую дважды переправлялись колонисты по пути в Ковалёвку и обратно.

«Война» с хуторянами ускорила давно намеченное Антоном Семёновичем объединение обеих колоний в единый, целостный коллектив. Без этого невозможно было добиться правильной организации всей воспитательной работы. В августе – сентябре 1924 года хозяйство в Трибах было ликвидировано, и весь коллектив воспитанников и воспитателей собрался в Ковалёвке.

...Там расцвело хозяйство колонии. Расцвела и наша усадьба – и не только в переносном, но и в буквальном смысле этого слова.

Выращивая тепличную рассаду капусты и помидоров, я оставил часть парников под рассаду цветочную. Позднее она была высажена на клумбах перед основным корпусом колонии. Ребята с любовью ухаживали за цветами, и, несмотря на недостаток рабочих рук в разгар полевых работ, совет командиров, с полного одобрения Антона Семёновича, всегда выделял необходимое число колонистов для работы на клумбах. Но и помимо этого всегда находилось немало желающих поработать в свободное время на наших цветниках. Только немногие из ребят относились к ним безразлично или с пренебрежением. К числу последних принадлежал и колонист Галатенко, тот огромный детина, о котором я уже вспоминал. Довольно долго он выполнял обязанности водовоза, но потом был «разжалован» за грубость и по наряду совета командиров назначен на работу в оранжерею. Это назначение имело воспитательный смысл: Галатенко попадал в дружный коллектив наших цветоводов, занятых «тонким» делом...

Однажды, зайдя в оранжерею, Антон Семёнович поразился, увидев, с каким напряжением и тщательностью Галатенко пикирует при помощи маленькой расщеплённой палочки бегонию, стебельки которой не толще конского волоска. Отведя меня в сторону, Антон Семёнович признался, что всё время ждал моего заявления с просьбой забрать Галатенко из оранжереи ввиду полной его неспособности к столь деликатной профессии. Я рассказал, с каким интересом работает Галатенко, как освоил он режим оранжереи и как ревностно его поддерживает.

– Есть у него, правда, одна странность, – добавил я: – всем цветам он дал свои названия и не признаёт общепринятых.

– Как же он их называет? – заинтересовался Антон Семёнович.

– По Галатенко, роза – «дивчина», левкой – «хлопец», резеда – «духи», бегония – «перепёлочка», львиный зев – «зайчики», лобелия – «крестики», зимний флокс – «мамаша», портулак – «дети», агау – «лев»... – перечислял я.

Антон Семёнович начал доискиваться происхождения этих названий, и скоро мы довольно точно установили ход мыслей Галатенко, неясным оставалось только, почему для агау он выбрал название «лев». За разъяснением пришлось обратиться к нему самому. Оказалось, что он видел в хрестоматии картинку «Лев в пустыне», на которой рядом со львом были изображены растения, похожие на агау...

Метаморфоза с Галатенко очень обрадовала Антона Семёновича. Присев на скамеечку возле оранжереи, он задумался, а затем высказал мысль, что если у Галатенко так быстро раз-

вивается понимание красоты и любовь к ней, то надо и у других колонистов поддерживать и всемерно развивать чувство прекрасного. И тут же Антон Семёнович предложил расширить цветоводство до таких пределов, чтобы в будущем году колония, что называется, утопала в цветах.

Стараясь не попасть впросак и быть действительно полезным для колонии, я внимательно присматривался ко всей организации воспитания ребят и особенно к мерам воздействия на провинившихся. Я старался уловить не только отдельные педагогические приёмы Антона Семёновича, но и их взаимную связь, открыть в них черты постоянства и внутреннюю закономерность.

Сначала мне казалось, что у Антона Семёновича наверняка есть записная книжка, в которой указано, какому наказанию следует подвергать колонистов за тот или иной проступок.

Однако уже скоро я заметил, что только организационные формы воспитания оставались у Макаренко сравнительно неизменными, тогда как в мерах воздействия никакого постоянства не было. Очень часто за один и тот же проступок Антон Семёнович наказывал различно, а иногда и вовсе не наказывал. Но такая «нечёткость» вовсе не удивляла и не возмущала ребят: они, видимо, хорошо понимали, почему Антон Семёнович в разных случаях по-разному относится к одним и тем же проступкам.

Прошло ещё некоторое время, и мне стало понятно, что в системе воспитания, которую создавал Макаренко, главную роль играли вовсе не наказания, а меры, позволявшие предупредить совершение дурного поступка ребёнком.

Антон Семёнович блестяще раскрывал ребячьи провинности. Его мастерству удивлялся не только я, но и опытные воспитатели, а больше всего сами ребята, твёрдо верившие, что «от Антона скрыть ничего нельзя».

...В конце августа на нашей бахче происходили события, распутать которые Антону Семёновичу удалось не сразу.

В том году был исключительный урожай бахчевых. За обедом каждому колонисту выдавался целый арбуз, и за ужином ребята получали арбузы. Но, несмотря на это, находились любители посетить и самую бахчу.

Она охранялась специальным отрядом во главе со старшим колонистом Лопотецким (Лапоть). Однако сторожа оказались недостаточно бдительными: как-то утром они обнаружили, что ночью на бахче побывал вор, и притом изобретательный: он вырезал примерно у двадцати больших арбузов по солидному куску, а корки аккуратно положил на место, так, что сразу трудно было заметить подвох.

Вечером на совете командиров Лопотецкий грозил «зарезать того гада», который испортил столько хороших кавунов. Но найти виновного не удалось, хотя явным доказательством того, что вор был из числа колонистов, служила пропажа на кухне ножа, случившаяся накануне... Утром следующего дня я услышал со стороны бахчи крики и плач. Решив, что ребята поймали «гада» и Лопотецкий приводит сейчас свои угрозы в исполнение, я поспешил

на шум. Но через минуту успокоился, увидев, что это Лопотецкий с возмущением отчитывает за нерадивость двух своих помощников.

– Смотрите, Николай Эдуардович,– закричал он мне, – что тот трижды гад наделал! – и показал рукой в сторону куреня.

Там зрел огромный арбуз, который ребята собирались подарить Антону Семёновичу. Они вырезали на его зелёной поверхности пятиконечную звезду, вокруг неё надпись «За-жжём мировой пожар», а ниже посвящение: «Антону с Макаренко» и ещё ниже подпись: «От кол кол Горького». Ребята, по-видимому, вырезали сначала «Антону Макаренко», но сообразили, что это звучит непочтительно, и втиснули букву «с» – «Семёновичу». Последняя строка означала: «от колонистов колонии Горького». Арбуз получил название «Комиссар» и под неусыпным наблюдением ребят хорошо рос и был известен всем колонистам, с нетерпением ожидавшим момента, когда они смогут преподнести свой подарок Антону Семёновичу. А чтобы какой-нибудь «зелёный», то есть новичок, не польстился на этот кавун, Лопотецкий свой сторожевой курень поставил вблизи «Комиссара». И вот теперь я увидел, что вор побывал и здесь: сделал и в этом арбузе вырез, приладив корку аккуратно на место.

Отчаянию Лопотецкого не было предела, и он грозил «трижды гаду» «перегрызть горло собственными зубами». Ребята, дежурившие ночью, заявили, что они слышали шорох во тьме, такой, будто возле них проползла змея. Лопотецкий справедливо ругал их за ротозейство.

Весть о кощунстве над «Комиссаром» с быстротой молнии распространилась по колонии. Все только об этом и говорили. Возбуждение ребят нарастало. Лопотецкий и кое-кто из старших колонистов уже начали самовольно производить допросы. Антону Семёновичу пришлось решительно призвать их к порядку. Он предложил самозванным следователям заниматься своим делом, а сам в течение всего дня внимательно наблюдал за колонистами.

Наступил вечер. Возбуждение ребят всё никак не могло улечься. В кузнице Лопотецкий мастерил что-то похожее на капканы, которые он собирался расставить на подходах к бахче.

Когда наконец раздался сигнал «на общее собрание», ребята, полные нетерпеливого ожидания, со всех ног бросились в клуб.

Антон Семёнович прежде всего предложил всем командирам дать ему списки отсутствующих на собрании членов отрядов и указать причины их отсутствия. Затем выступил Лопотецкий, красочно рассказавший все подробности происшествия на бахче; были допрошены ребята, слышавшие шорох, «как будто змея проползла»; рассказали о своих подозрениях все командиры отрядов. Но ничего нового не выяснилось. Антон Семёнович опустил глаза, задумался, и на некоторое время в клубе воцарилась полная тишина.

– Ну, что же, давайте разузнаем пока, кто из ребят особенно любит арбузы,– вдруг предложил Антон Семёнович.

Были названы пять – шесть колонистов. Последней говорила Мухина (Левченко) – командир отряда девчат. Она сказала, что в её отряде больше всех любит арбузы Валя...

Это была худенькая, невысокая девочка, прибывшая в колонию из Харькова всего несколько месяцев назад. Она вела себя тихо и ничем не выделялась среди наших девочек. Но в

специальном письме харьковского Наробраза, сопровождавшем Валю, указывалось, что она была наводчицей в крупной банде, занимавшейся обкрадыванием квартир. При одном неудачном ограблении банда, по сигналу Вали, успела скрыться, а её задержали. Однако прямых улик против девочки не оказалось, и она была передана в приёмник харьковского Наробраза... За её дальнейшей судьбой налётчики внимательно следили. Через несколько часов после передачи Вали в приёмник они её выкрали оттуда. Но скоро Валю задержали вторично и направили к нам, в Полтаву. В письме указывалось, что за нею должен быть установлен специальный надзор: попытка выкрасть её может повториться...

Когда Мухина назвала имя Вали, Антон Семёнович даже привстал от неожиданности. Казалось, он был поражён какой-то внезапной догадкой. Но минуту спустя он сказал своим обычным, спокойным голосом:

– Валя, подойди сюда, к столу...

Лицо Вали, когда она шла меж скамеек, а потом стояла возле Антона Семёновича, выражало только недоумение: зачем её вызвали? Заподозрить причастность этой тихой девочки к делу с кавунами было в самом деле просто невозможно.

– Зачем ты без разрешения взяла нож на кухне? – тем же спокойным голосом спросил Антон Семёнович.

– Я не брала ножа, – пожалуй, слишком поспешно ответила Валя.

Эту-то поспешность сразу уловил Антон Семёнович и начал наступление.

– Нет, Валя, ты взяла нож, и будет нехорошо, если я сейчас пошлю дежурного и он найдёт его в твоих вещичках. Где ты его спрятала?

Валя немного помолчала, потом негромко ответила:

– Он в матрасе, там дыра, я его туда засунула...

Через несколько минут дежурный положил злополучный нож на стол перед Антоном Семёновичем. Ребята перешёптывались, в клубе нарастал шум, но в голосах колонистов слышалось скорее удивление, чем возмущение.

– Валя, ты очень любишь арбузы? – продолжал допрос Антон Семёнович.

– Очень. Я никогда их раньше не ела.

– А зачем ты клала корки от кусков, вырезанных тобою, на старое место?

– Я думала, они прирастут, – серьёзно ответила Валя. Теперь заговорили сразу все: и для ребят и для всех нас было полной неожиданностью, что «трижды гадом», «оборотнем, прикинувшимся змеей», оказалась эта маленькая худенькая девочка. Лопотецкий, уже забыв о своей угрозе «перегрызть горло гаду», начал подговаривать ребят попросту нарвать после собрания побольше крапивы...

Антон Семёнович строго посмотрел на него, и Лопотецкий сразу затих.

– Валя, ты дашь слово общему собранию, что не будешь никогда лазить на бахчу и портить арбузы?

– Да, я больше этого делать не буду, – тихо ответила она. Антон Семёнович поставил на голосование предложение простить Валю, и ребята довольно дружно проголосовали за это. Только Лопотецкий, члены его отряда да ещё несколько ребят «воздержались». Валя села

на своё место, а Антон Семёнович поставил на обсуждение собрания ещё некоторые – уже вполне мирные – вопросы жизни колонии.

Когда все расходились, Антон Семёнович задержал Лопотецкого. Поговорив с ним о разных хозяйственных делах, он сказал, прощаясь:

– Если я узнаю, что ты хоть как-нибудь обидел Валю, то уходи из колонии сам. Всё равно уволю. Так и ребятам передай.

Сказано это было словно между прочим, но так, что Лопотецкий понял: Антон Семёнович не шутит!

После собрания, когда я возвращался домой под впечатлением всего, что видел и слышал в клубе, мне показались наивными, чтобы не сказать просто глупыми, мои прежние мысли о записной книжке Антона Семёновича, в которой будто бы систематизированы все наказания за те или иные проступки колонистов...

Каждое необычное происшествие в жизни ребят, а то и просто изменение в их настроении или поведении, подчас совсем незаметное, для Антона Семёновича оказывалось серьёзным поводом к тому, чтобы начинать искать иное решение уже однажды решённого вопроса и находить новые формы педагогического воздействия на колонистов. Именно так, в повседневной практике, вырабатывал Антон Семёнович свою систему воспитания. Главным в ней было внимание к «человеку в ребёнке», гибкость и отсутствие трафарета в подходе к ребятам.

На следующий день случай с арбузом был уже забыт. Только «капканы» Лопотецкого, валявшиеся за ненадобностью возле куреня, ещё некоторое время напоминали о той вспышке ребячьих страстей, которую Антон Семёнович так мастерски погасил.

Среди применявшихся Антоном Семёновичем наказаний был выговор с объявлением в приказе в день праздника Первого снопа, в день рождения А.М. Горького или в день другого ближайшего колонийского праздника.

Сначала я не понимал смысла этой воспитательной меры. Мне казалось, что наказание, исполнение которого отложено надолго, теряет своё значение. Кроме того, думал я, разве можно омрачать общий для всех колонистов праздник кому-нибудь одному из них? Это непедагогично.

Но скоро я заметил, что практически до объявления такого выговора дело никогда не доходит: тот, кто предупреждён об ожидающем его позоре, быстро исправляется, и совет командиров отменяет свой выговор ещё до наступления праздника.

МЕСЯЦ БЕЗ МАКАРЕНКО. ТЕАТР. ШКОЛА

Вначале 1925 года Антон Семёнович получил отпуск и решил поехать в Москву. Во все предыдущие годы, с самого основания колонии, он ни разу не отдыхал, потому что, как говорил он, у него не было «свободной души». Руководство колонией на время своего отпуска Антон Семёнович решил поручить мне. Я сознавал, какая большая ответственность ляжет на мои плечи, помнил о своей педагогической неопытности, и мне очень не хотелось браться за эту работу. Однако от всех моих доводов и возражений ничего не осталось, когда Антон Семёнович грустно сказал:

– Ну что ж, придётся и в этом году не идти в отпуск... Дольше отказываться стало невозможно. Но на душе у меня было беспокойно, и я попросил Антона Семёновича на всякий случай оставить мне необходимую инструкцию. Он улыбнулся.

– Вы в колонии уже работаете почти год, хорошо знаете наше хозяйство и организацию воспитательно-педагогического процесса, – ведь вы незаметно тоже участвуете в его разработке. Опыта, подобного нашему, не было в прошлом, нет в настоящем ни у нас, ни за границей. Если общие положения, которые легли в основу воспитания колонистов, верны, то, возвратившись из отпуска, я найду колонию ещё более окрепшей. Все отклонения от нормы покажут слабые стороны в нашей организации дела. Прошу вас смотреть на мой отъезд, как на один из методов проверки нашего опыта, и поэтому разрешите мне никакой специальной инструкции вам не давать. Могу только посоветовать побольше бывать с колонистами, опираться на лучших из них, не упускать из внимания ни одной мелочи, не плестись на поводу у ребят, а вести их вперёд...

В ответ на мою просьбу дать на крайний случай хоть свой московский адрес Антон Семёнович махнул рукой и сказал:

– Где остановлюсь, не знаю, а если бы даже и знал, то мой адрес вам совершенно не пригодился бы. Заочно управлять жизнью колонии и вообще давать какие-либо указания и советы, не зная обстановки, трудно. Все мои советы будут приходиться с большим опозданием, и если вы их будете дожидаться, сложа руки, причините колонии большой вред.

Свой отъезд Антон Семёнович постарался сделать малозаметным, вёл себя так, будто уезжает всего на один – два дня. Но видно было, что ему нелегко даже ненадолго покинуть колонию, как нелегко мастеру оторваться от своего творения.

На общем собрании колонистов, когда Антон Семёнович уже уехал, я сообщил ребятам, что он будет отсутствовать целый месяц. Подавленным молчанием встретили ребята мои слова, на их лицах было уныние, а у некоторых малышей даже выступили слёзы.

В течение всего этого месяца я находился в напряжённом состоянии, непрерывно ожидая каких-нибудь «сюрпризов». Однако колонисты, как бы понимая, что наступил ответственный момент в жизни колонии – проверка накопленного Антоном Семёновичем нового педагогического опыта, – вели себя на редкость дисциплинированно и учились хорошо. Но всё же в ту пору случились два происшествия, о которых следует рассказать.

...Как-то утром в колонии появился нарочный с письмом от начальника милиции станции Полтава-Южная. Начальник сообщал, что у одного спекулянта, задержанного при посадке в поезд, отобран мешок с тридцатью килограммами овса, причём на мешке имеется надпись: «Колония имени М. Горького». Подозревая, что овёс украден в колонии, он предлагал нам прислать кого-нибудь за этим овсом.

Сообщение начальника милиции крайне огорчило меня не только потому, что был неприятен самый факт кражи, но и потому, что похищен был именно овёс. Ребята очень любили наших животных – лошадей, телят, собак – и иногда сами недоедали, чтобы оставить кусочки хлеба и мяса своим любимцам. Овса для лошадей у нас и без того было мало, и вдруг – такая кража!

Ничего не говоря о полученном письме, я послал заведующего хозяйством на станцию за этим мешком. Когда он вернулся, я вызвал Братченко, командира отряда колонистов, работающих на конюшне, и его двух помощников. Моё подозрение, что в пропаже овса повинны именно они трое, вызвало со стороны Братченко такое искреннее удивление, а затем и возмущение, что я поверил в его непричастность к этому делу. Однако помощники Братченко были смущены, хотя тоже категорически отрицали свою вину. Когда я показал им мешок как вещественное доказательство кражи, зоркий глаз Братченко тотчас обнаружил, что овёс не наш: наш чистый, а в этом попадаются зёрна ячменя. Я немного успокоился, чувство обиды на ребят прошло, но дело оставалось всё же тёмным. Ну, хорошо, овёс не наш, а мешок-то ведь колонийский! Как он попал к спекулянту? Не кроется ли за этим какой-нибудь другой, ещё более скверный проступок ребят?

Я сказал им, что верю в их честность, но так как овёс не принадлежит нам, то его надо вернуть обратно. Мне казалось, что именно так поступил бы Антон Семёнович. Мои слова вызвали негодование ребят, особенно помощников Братченко.

– Как?! Отдать овёс обратно?! – шумели они. Раз он попал к нам, значит, он наш! Чем мы будем кормить лошадей, ведь они у нас почти целый месяц не видят овса!

Откровенно говоря, я надеялся, что нам и не придётся возвращать этот неожиданный дар милиции, но мне хотелось услышать, что скажут ребята. Их преувеличенно выраженное возмущение подсказывало, что они, пожалуй, всё-таки что-то скрывают. Отпустив Братченко, я задержал его помощников и потребовал от них объяснений. Неловко переминаясь и смущённо переглядываясь, ребята наконец выложили всю правду.

Один их знакомый парень из Ковалёвки, сын зажиточного крестьянина, попросил ребят помочь ему перевезти в соседнее село несколько мешков хлеба и никому об этом не говорить. Ребята согласились, но потребовали «за услугу» полмешка овса для лошадей колонии. Когда хлеб был перевезён, ребята дали парню наш мешок, чтобы он принёс обещанное. Парень же, нарушив слово, продал овёс вместе с мешком проезжему спекулянту. Ребята считали, что овёс они «честно заработали» и поэтому незачем его возвращать.

Вопрос, конечно, не был таким простым, как это казалось ребятам. То было время, когда кулаки и их прихвостни всячески саботировали выполнение хлебопоставок по продналогу. Сами того не понимая, колонисты помогли одному из таких саботажников скрыть от государства хлеб.

На общем собрании я разъяснил это притихшим ребятам, сказал о помощи, которую они невольно оказали кулакам, и о вреде, который причинили самой колонии; предупредил их, что возможны и в будущем попытки наших врагов втянуть колонистов в подобные преступления против Советского государства... И когда я говорил это, я снова вспоминал Антона Семёновича, который учил каждого из нас всегда видеть за малым большое, за второстепенным – главное.

Другое происшествие было совсем иного рода.

Дежурные воспитатели несколько раз сообщали мне, что по вечерам в глубине нашего сада иногда раздаются какие-то странные, приглушённые взрывы, а однажды была видна да-

же вспышка огня. Мне и самому приходилось слышать отдалённый, довольно резкий шум, но я не обратил на него внимания, как и на сообщения дежурных.

И вот как-то вечером, во время ужина, на территории колонии раздался оглушительный грохот, от которого задрожали, а кое-где и выпали оконные стёкла. Все ребята и воспитатели бросились во двор. Пробежав немного, мы увидели, что из окон пекарни валит дым. Пожар! Я немедленно распорядился о доставке воды. Но ребята, проникшие в пекарню, дали знать, что огня нигде нет.

Колонистка Варя, помогавшая нашему пекарю, стояла передо мной в растерянности, с крайне смущённым видом, и это выдало её с головой. Оказалось, что ребята, начитавшись исторических романов, в которых описывались торжественные салюты в честь полководцев, решили встретить Антона Семёновича пальбой! Где-то в куче старого железа они подобрали поломанное шомпольное ружьё, а из обрезков водопроводных труб смастерили несколько «самопалов» и по вечерам испытывали их в глубине сада. Опасаясь, что подобные опыты могут быть запрещены, они тщательно скрывали свои намерения и от меня и от воспитателей. Между тем подготовка к салюту шла полным ходом. Ребятам удалось достать на селе запас оружейного пороха, долго хранившегося в земле, и они передали его для просушки в пекарню колонистке Варе. Закончив выпечку хлеба и дождавшись ухода пекаря, Варя положила порох на печку, а сама пошла ужинать...

Это событие заставило меня ещё раз оценить совет Антона Семёновича – не упускать из внимания ни одной детали колонийского быта. В самом деле, как легко было бы своевременно предотвратить этот взрыв!

Но, кроме того, история с порохом показала, что и я и воспитатели совсем упустили из виду необходимость подготовиться к встрече Антона Семёновича, и в этом деле, которое имело ведь и несомненное педагогическое значение, инициатива оказалась в руках ребят. И тут я вспомнил ещё один совет Макаренко: не плестись на поводу у колонистов, а вести их за собой!

Стремясь исправить своё упущение, я поставил вопрос о встрече на общем собрании. Решено было встретить Антона Семёновича в строю, а на станцию послать делегацию. Пальбу из самопалов после долгих прений всё-таки отменили.

Телеграмма о приезде Антона Семёновича всколыхнула колонию и обсуждалась всеми – от мала до велика. Поезд прибывал в Полтаву рано утром. На станцию поехали в двух санях; одни предназначались для Антона Семёновича, в других – отправилась делегация. Задолго до возвращения саней все ребята были уже во дворе. Высланный навстречу верховой два раза подымал ложную тревогу, но наконец примчался с клятвенным заверением, что «настоящему едут». Все колонисты выстроились, и наступила тишина. Но удержать ребят в строю не удалось. Едва только Антон Семёнович вышел из санок, как колонисты бросились к нему. Ряды смешались, раздалось громогласное «ура», и мой рапорт потонул в гуле восторженных криков. Попытка Антона Семёновича внешне сохранить спокойствие никого не могла обмануть. Все его жесты, все слова говорили о бесконечной радости, о глубокой душевной взволнованности.

Остаток дня Антон Семёнович неумоимо бродил по колонии, заглядывал во все её уголки и без конца беседовал с ребятами. Я видел, что ему не терпелось тотчас уловить перемены, которые могли произойти в его отсутствие.

Вечером, после собрания колонистов, почти все воспитатели обратились в кабинете у Антона Семёновича. Он щедро делился с нами своими московскими впечатлениями, рассказывал о жизни столицы, о своих встречах, о музеях и театрах, в которых побывал...

Антон Семёнович обладал способностью увлекать и вдохновлять слушателей, о чём бы он ни говорил. И его рассказ о московских театрах, о спектаклях Художественного театра, которые он посмотрел по два раза, так глубоко взволновал нас, что, когда он сказал в заключение: «А хорошо бы нам организовать собственный театр в колонии»,— мы встретили его слова шумным одобрением.

Беседа затянулась до глубокой ночи. Прощаясь со всеми, Антон Семёнович задержал меня.

– Теперь никто нам не помешает, и я смогу выслушать наш отчёт и принять дела.

Антон Семёнович слушал мой недолгий рассказ молча и только изредка прерывал его краткими замечаниями. Но когда я заговорил о подготовке ребят к «шумной» встрече, он начал весело улыбаться, а потом сказал, что ему уже удалось узнать сегодня об этом кое-какие новые подробности. Затевалось гораздо более серьёзное дело, чем я предполагал. Ребята, разведав, что кулаки с Михайловских хуторов где-то спрятали в разобранном виде небольшую пушку, решили во что бы то ни стало добыть её и притащить в колонию, а затем произвести салют. С этой-то целью они и запаслись орудийным порохом, который взорвался по неопытности Вари. Взрыв расстроил их планы, и после этого Варя несколько дней ходила заплаканная, так как ребята донимали её за провал такого, но их словам, «мирового дела»...

Я имел случай ещё раз упрекнуть себя в том, что не обращал должного внимания на «мелочи»: я ведь не заметил, что с Варей что-то происходило после истории с порохом!

– Поверьте мне, – добавил Антон Семёнович,– такие, как Калабалин, Братченко, Лопотецкий, да и многие другие, хоть из-под земли, а пушку бы достали. Я в этом нисколько не сомневаюсь. И вы только представьте себе, какое действительно «мировое дело» началось бы для всех нас, если бы ребята осуществили свой план! Как только это дошло бы до Губнаробраза, Шарин и другие с перепугу потребовали бы послать против колонии весь полтавский гарнизон!..

Закончив сдачу дел и пожелав Антону Семёновичу спокойной ночи, я невольно подумал о том, что я вот смогу теперь спать спокойно, но сможет ли спать спокойно Антон Семёнович, это сомнительно... Разве можно предугадать, какие «мировые дела» зарождаются сейчас в головах наших предприимчивых колонистов?

И до поездки Макаренко в Москву у нас ставились иногда спектакли, но лишь от случая к случаю. Мысль о создании театра в колонии, безусловно, созрела у Антона Семёновича в Москве, а последнее из происшествий, случившихся во время его отсутствия, лишний раз подтвердило педагогическую необходимость осуществления этого замысла.

На третий день после ночной беседы о театре начались репетиции. Таков уж был Антон Семёнович: если у него появлялась плодотворная идея, он стремился сразу претворить её в жизнь.

Обязанности режиссёра, а часто и главную роль в ставящейся пьесе исполнял он сам. Антон Семёнович обладал несомненными актёрскими способностями. Роль городничего в «Ревизоре» была им сыграна блестяще. Хорошо играл и воспитатель Иван Петрович Ракович. Были талантливые исполнители и среди колонистов, но нам, как правило, не хватало артисток для женских ролей. Одна моя знакомая, любившая и знавшая театр, несколько раз выступала по просьбе Антона Семёновича в колонийских спектаклях. Она рассказывала мне, как глубоко освещал Антон Семёнович во время репетиций роль каждого действующего лица, как преследовал он малейшие попытки иных нерадивых актёров схалтурить, как умело выходил из затруднений при постановке сложного действия на нашей необорудованной сцене. Хотя репетиции и затягивались порою до двух – трёх часов ночи, никто из участников будущего спектакля никогда не высказывал недовольства: Антон Семёнович умел вовремя поднять настроение уставших актёров интересным рассказом, весёлой шуткой, комической сценкой.

Для театра был отведён пустовавший мельничный сарай без потолка. Установленные в нём временные печи не могли нагреть это помещение даже до мало-мальски сносной температуры. Однако холод никого не смущал. Актёры дрожали, но играли с подъёмом. Хуже, чем другим, приходилось суфлёру, который от холода иногда так стучал зубами, что уже не мог внятно произносить многословные реплики, за что ему попадало и от режиссёра и от актёров. Зрители тоже дрожали, но не уходили до самого конца спектакля. После спектакля у них ещё хватало терпения минут десять – пятнадцать аплодировать участникам представления. По установившейся традиции, к зрителям должны были выходить не только актёры и режиссёр, но и суфлёр и все рабочие сцены.

Наш театр посещали и свои, и сельская молодёжь, и люди преклонного возраста. Иной раз можно было наблюдать, как во время спектакля какой-нибудь «дидусь» сперва начнёт зевать, а потом и заснёт. Разбудишь его и посоветуешь пойти домой. Но «дидусь» не соглашается уходить: «Как же уйти, не услышав, убьёт он врага своего или нет? Как же я не всё расскажу своей старухе? Смотри, ещё не поверит, что в театр ходил!»

Большинство наших актёров, как и большинство зрителей, раньше никогда не бывало в театре. Оттого-то и те и другие частенько настолько увлекались действием, происходившим на сцене, что оно им начинало казаться происходящим в жизни. И поэтому в ходе спектакля нередко возникали совершенно непредвиденные эпизоды, чаще всего наивные и комические, в которых принимали участие не только актёры, но и зрители. Антона Семёновича такие сцены всегда поражали своей глубокой непосредственностью, и он не очень осуждал ребят за их актёрские вольности.

Из первых постановок того времени мне особенно запомнилась одна. Название пьесы я забыл, но содержание её более или менее точно запечатлелось в моей памяти.

Трое англичан – два купца и один матрос, – уцелевшие во время кораблекрушения, попали на остров, жители которого ещё не знали денег, были честны, добры, независтливы.

Купцы немедленно воспользовались доверчивостью островитян и начали выманивать у них золото и драгоценные камни. Они уверили молодую королеву острова, что матрос – королевский сын, и она согласилась на брак с ним. Матроса тяготила ложь, навязанная ему купцами, и он рассказал королеве всю правду о себе. Но она уже любила его, и они решили вдвоём покинуть остров. Об этом, однако, узнали жрецы. Они подняли народ против англичан. Матрос был убит, а купцы с награбленным добром пытались скрыться на лодке, но погибли во время бури. При всей наивности этого романтического сюжета в пьесе хорошо были показаны низость и жадность купцов, в ней было много волнующих сценок и занятных приключений.

Роль королевы Антон Семёнович попросил сыграть мою знакомую, о которой я уже упоминал; роль матроса исполнял колонист Костя Белковский (Ветковский), купцов играли колонисты Горгуль (Кудлатый) и Мухин, а главным жрецом был Антон Семёнович.

Всё шло хорошо. Но вот началась последняя картина. Занавес поднялся... На опушке леса возле шалаша сидели королева и матрос и вели разговор о своём предстоящем отъезде. Костя, который сначала стеснялся малознакомой актрисы, уже вошёл в свою роль и даже рискнул обнять королеву. В это время издали послышался шум. Это приближалась толпа островитян, руководимая главным жрецом. А влюблённые продолжали спокойно сидеть, не подозревая о надвигающейся опасности. Волнение нарастало, и наконец кто-то из малышей не выдержал и испуганным голосом крикнул:

– Костя, убегай скорее! Антон Семёнович договорился с ребятами убить тебя!

На Костю эти слова подействовали совершенно неожиданно. Он поднялся и, обратившись к зрителям, произнёс:

– Меня убить? Да я кого хочешь в котлеты изрублю! Грозный вид Кости и его решительное заявление вызвали бурное одобрение зрителей. Но ворвавшаяся на сцену толпа островитян-колонистов уже набросилась на хвастливого Костю-матроса и, несмотря на все предупреждения Антона Семёновича, затеяла настоящую свалку. Королева растерялась, её лицо выражало испуг, и Антон Семёнович, сдерживая ребят, на всякий случай стал поближе к ней. Косте не удалось никого «изрубить»: поверженный на пол сцены, он лежал, изображая убитого. Но симпатии зрителей всё же были на его стороне. И когда Антон Семёнович произнёс заключительную фразу пьесы: «Так будут уничтожены все наши враги», – вдруг раздался возмущённый голос одного из гостей, пожилого крестьянина:

– Такого хорошего хлопца – и убить!..

Занавес опустился при полном молчании зрителей. Только через несколько минут, после того как занавес снова поднялся и все актёры выстроились на сцене и среди них зрители увидели улыбающегося Костю, раздалось долго не смолкавшие аплодисменты. Тот же пожилой крестьянин, пробравшись к сцене, крикнул Косте:

– Так, значит, тебя не убили?

– Нет, остался жив!

– Ну так приходи в воскресенье, жинка пироги напечёт, и ты расскажешь ей, как всё тут у вас было!

– Приду обязательно! – весело ответил Костя.

По настоянию ребят в тогдашнем репертуаре нашего театра было немало подобных пьес – со сражениями, нападениями, путешествиями... Соображения идеологические и педагогические, а также необходимость приспособливаться к ограниченным сценическим возможностям заставляли Антона Семёновича многое перерабатывать – дополнять и изменять – в тексте этих пьес. Но с каждой новой постановкой росли и актёры и зрители. И скоро в репертуаре нашего театра появились пьесы Гоголя, Островского, Горького.

Ещё в начале учебного года, на заседании педагогического совета, Антон Семёнович предупредил преподавателей, что он сам будет проверять весной успеваемость колонистов. Возвратившись из отпуска, Антон Семёнович немедленно этим и занялся.

Приближалось начало весенних работ, и ребята, продолжая учиться в школе, немало времени проводили в оранжерее, на парниках, на очистке семян и подготовке инвентаря. Эти работы являлись практическими занятиями к пройденному зимою в школе курсу основ агротехники. Меня радовало, что положительные результаты учёбы были очевидны. Раньше, например, когда я с помощью термометра проверял температуру парника, где росли ранние огурцы, ребята с недоверчивыми улыбками следили за мной; теперь же они проделывали эту операцию сами и строго поддерживали тепловой режим парника.

С началом весенних полевых работ, когда занятия в школе закончились, на очередном заседании педагогического совета обсуждались успехи каждого колониста. Антон Семёнович высказал при этом два критических замечания, вызвавших общий интерес.

Когда речь зашла о плохой успеваемости колониста Чобота по арифметике, Антон Семёнович сказал:

– Любовь Петровна, а вы не пробовали специально подзаняться с Чоботом и хотя бы раз поставить ему, может быть, даже покрывив душой, хорошую оценку и похвалить его перед классом? Как вы думаете, не ободрило бы это Чобота? Не показала бы ему такая похвала, что он может учиться не хуже других? Своими хроническими плохими и посредственными оценками вы развиваете в нём безразличие, убиваете его веру в себя, в свои силы...

При обсуждении успеваемости в одной из школьных групп оказалось, что ни у кого из хорошо учившихся по русскому языку ни разу не было посредственной или плохой оценки. Антон Семёнович отнёсся к этому с недоверием.

– Конечно, – сказал он, – если хорошие оценки поставлены ребятам правильно, то лучшего желать нельзя. Но я всех этих ребят хорошо знаю. Среди них есть зазнайки, которые и уроки не всегда готовят как следует и думают, что они знают больше, чем все остальные колонисты. Я боюсь, что преподаватель не только не пытался «поймать» таких зазнаек и дать настоящую оценку их успехам, но скорее всего ставил им хорошую оценку даже тогда, когда они отвечали лишь посредственно, – и добавил: – Нет ничего хуже, чем предвзятость в оценках.

1925 год принёс нам немало побед. Даже в глазах самых закоренелых обывателей колония перестала быть «бандитским гнездом». Разрабатываемая Антоном Семёновичем система воспитания ребят с тяжёлым прошлым завоёвывала себе всё больше сторонников. Шко-

ла и театр в колонии получили общее признание даже среди противников Макаренко. Очевидны стали и успехи нашего сельского хозяйства.

Мы уже освоили всю имеющуюся у нас земельную площадь и начали собирать высокие урожаи зерновых, огородных и кормовых культур. Деловая связь с Полтавской опытной сельскохозяйственной станцией позволила в широких масштабах нашего производства проверять предлагаемые станцией новые агротехнические мероприятия. Достижения нашего животноводства были уже таковы, что мы оказывали серьёзное влияние на развитие этой отрасли сельского хозяйства далеко за пределами Ковалёвки и окрестных мест.

Ребята гордились своими успехами и критически оценивали старые способы хозяйствования, применяемые соседями-единоличниками.

Антон Семёнович полагал необходимым в будущем, 1926 году расширить программу школьных занятий по агротехнике и выделить специальный опытный участок, чтобы дать возможность старшим ребятам получить квалификацию полевода или огородника. Однако наступившие события не дали возможности осуществить эти планы.

ЗАВОЕВАНИЕ КУРЯЖА

Весной 1926 года Антон Семёнович получил приказ Народного комиссариата просвещения Украины о слиянии Полтавской колонии имени М. Горького с Куряжской, находившейся в ведении Харьковской комиссии помощи детям.

Дурная слава Куряжской колонии разнеслась по всей Украине. По рассказам ребят, бежавших оттуда и направленных к нам, Куряж был настоящим притоном всевозможных воровских шаек, состоявших из беспризорников разного возраста. Вывеской колонии они в известной мере защищались от закона. В дневные часы большая часть «воспитанников» находилась «на работе» – на харьковских рынках, вокзалах, в трамваях – или лазила по дворам и квартирам обывателей. Только к вечеру или поздно ночью возвращались колонисты в Куряж для ночёвки. Заведующий колонией и воспитатели (а их было около сорока человек) могли передвигаться по территории колонии относительно свободно и безопасно только днём. Как только наступала темнота, все служащие поспешно забирались в свои комнаты, чтобы системой сложных запоров и баррикад отгородиться до утра от внешнего мира. Никто из них не рисковал выходить ночью не только во двор, но даже в коридор, и это была вполне основательная предосторожность, так как обкрадывание квартир работников колонии и грабежи с насилием были в Куряже обычными явлениями.

Положение стало настолько нетерпимым, что Наркомпрос Украины под давлением общественности Харькова должен был наконец обратить серьёзное внимание на эту колонию и принять меры к прекращению безобразий в Куряже. Кем-то было высказано мнение, что только Макаренко смог бы навести там порядок. Так возник многообещающий проект перевода Полтавской колонии имени М. Горького в Куряж. Но этот проект встретил, однако, серьёзные возражения и со стороны наших друзей, не хотевших рисковать дружным, дисциплинированным коллективом горьковцев, и со стороны наших противников, опасавшихся, что в случае успеха чрезмерно усилится влияние Макаренко. Окончательное решение вопроса затягивалось. А положение в Куряже продолжало ухудшаться и дошло до того, что потребо-

вало наконец принятия немедленных мер. Друзья колонии имени М. Горького скрепя сердце согласились на наш переезд в Куряж. Неожиданно их поддержали и наши противники: катастрофическое положение Куряжской колонии позволяло им надеяться, что теперь уж и дружный коллектив горьковцев во главе с Макаренко её не спасёт, и таким образом «макаренковская система» будет посрамлена.

Пока велись все эти переговоры, Антон Семёнович часто беседовал с нами по поводу возможного переезда под Харьков и рисовал при этом суровую картину предстоящих трудностей. Но вместе с тем он убеждал нас, что, оставаясь в Ковалёвке, колония лишается перспектив для дальнейшего роста. Больше всего Антона Семёновича беспокоила удалённость колонии от заводов, крупных сельскохозяйственных предприятий и учебных заведений.

Конечно, тяжело было оставлять хорошо обжитое место с налаженным сельским хозяйством, но доводы Антона Семёновича склонили подавляющее большинство сотрудников к безоговорочному согласию на переезд в Куряж. Каждый из нас был уверен, что с Антоном Семёновичем мы не сможем потерпеть поражение. С ним мы победим Куряж! Не будь этой уверенности, приобретённой годами совместной работы с Макаренко, среди нас не нашлось бы охотников добровольно ехать в куряжское воровское логово. Не сомневались в успехе и колонисты: они на собственном опыте знали, какое чудодейственное влияние оказывает дисциплинированный коллектив колонии имени М. Горького на беспризорных ребят.

Строгий порядок, внешняя подтянутость, весёлый смех, спокойствие и уверенность, с какими наши колонисты вступили в Куряж и начали в нём размещаться, сразу же показали куряжанам, что сюда пришли настоящие хозяева, тогда как они сами были здесь только жильцами, и притом весьма скверными жильцами. Они поняли, что для них открыт лишь один путь – идти в ногу с горьковцами, тем более, что горьковцы это им и предлагают! Подавляющее большинство куряжан так и поступило.

Вся проверенная на опыте организация коллектива и повседневной жизни колонии была перенесена в Куряж без особых изменений. В точно установленные часы раздавались трубные сигналы, оповещавшие о подъёме, о начале работы, о её окончании, о времени завтрака, обеда и ужина, о созыве совета командиров или общего собрания колонистов, об отходе ко сну.

Ещё чаще, чем прежде, обсуждался на педагогических совещаниях вопрос о трудовых заданиях для ребят. Антон Семёнович стоял на той точке зрения, что задания не должны быть лёгкими. Но вместе с тем, говорил он, нельзя давать задания, требующие чрезмерного физического напряжения. Главное – развивать в ребятах сноровку, смекалку, стремление к здоровому соревнованию.

Выполнение тех или иных работ по-прежнему, как правило, поручалось отряду. Индивидуальные наряды колонистам давались редко, только заведомым лентяям и только по настоянию самого отряда, в который входил нерадивый колонист.

Организирующая сила здорового коллектива Полтавской колонии была настолько велика, что сводные отряды даже тогда, когда в них было большинство куряжан, работали не хуже других отрядов, а подчас и лучше. Куряжане, изголодавшиеся за годы безделья по настоящей работе, как бы навёрстывали упущенное.

Среди них попадались, конечно, и «вредители». Один из таких куряжан, не желая трудиться, сделал вид, что не может отличить всходов свёклы от сорняков. Чтобы доказать это, он при прополке срезал на одном рядке все всходы. Совет командиров осудил и колониста и командира отряда, не проследившего за его работой. Следуя педагогическим методам Антона Семёновича, совет решил, что провинившийся колонист должен в неурочное время под наблюдением командира посадить на место срезанной новую рассадку свёклы и ухаживать за нею, пока она не приживётся.

Несмотря на мелкие недоразумения, работа спорилась. Особенно весело трудились сводные отряды во время летних каникул, когда в их рядах появлялись добровольные помощники – наши бывшие воспитанники, а ныне рабфаковцы и студенты. Приезжая из города в колонию, они прежде всего являлись к Антону Семёновичу и подробно рассказывали ему о своём житье, об учебных делах. Отпуская их после долгой дружеской беседы, Антон Семёнович обычно говорил:

– Ну, теперь отдыхайте, набирайтесь сил к новому учебному году.

Однако с первого дня приезда наши гости по собственному почину начинали работать вместе со сводными отрядами, выбирая самые ответственные и трудные участки колонийского производства. В час отдыха, собрав ребят в кружок, они запевали песню, отвечали на бесчисленные вопросы молодых горьковцев, с особым старанием удовлетворяя любопытство бывших куряжан. Шум и весёлый смех не смолкали во время этих оживлённых бесед. Воспитанники Макаренко – рабфаковцы, позже ставшие студентами, – Калабалин, Белухин, Шершнева (Вершнева), Архангельский (Задоров), Супрун и многие другие теперь сами чувствовали себя как бы воспитателями. Их всегда можно было видеть в окружении ребят, видевших в них «себя в будущем».

Так же, как в Ковалёвке, в Куряже был организован сторожевой отряд, охранявший нашу усадьбу, поля, сады, луга, лес. Попасты в сторожевой отряд, вооружённый винтовками, считалось большой честью. Кандидатура каждого будущего сторожа всесторонне обсуждалась советом командиров и при малейшем сомнении в надёжности кандидата снималась с голосования. Куряжане, привыкшие к полной безнаказанности, сначала с некоторой иронией смотрели на дело охраны колонии; они считали, что по принципу «блатной» круговой поруки колонист колониста не должен подводить. Но вскоре им пришлось изменить эту точку зрения. Пойманного на месте преступления – в саду, на огороде, у дверей кладовой, несмотря на все его уверения, что он «свой», ребята неизменно запирали на остаток ночи в сторожку, а утром приводили к Антону Семёновичу. При всей сложности обстановки в Куряже Антон Семёнович не изменил и там правилу, установленному в Полтавской колонии. Заключительный этап для всех воришек неизменно бывал одним и тем же – они должны были выступить перед советом командиров и на общем собрании колонистов с рассказом, «как всё было». Охотников дважды испытать позор такого выступления, насмешки и строгий суд ребят обычно не находилось, и старая привычка «чего-нибудь поискать» очень скоро стала исчезать у куряжан.

Однако сторожевому отряду всегда приходилось быть начеку, так как разного рода неприятностей можно было ожидать не только от «своих», но и от «чужих». С «чужими» сторожевой отряд поступал ещё более решительно, так как, по существовавшей традиции, ребята считали, что в отношении «не своих» они могут быть и судьями и исполнителями наказания.

Антон Семёнович с таким пониманием прав сторожевого отряда, конечно, боролся, но искоренить эту традицию было нелегко. Пойманных в лесу «заготовителей» дров ребята обязательно заставляли тащить срубленные или спиленные деревья в колонию, а пилу и топор во всех случаях отбирали в качестве трофеев сторожевого отряда. Гражданину, посягнувшему на вишни в нашем саду, пришлось за каждую сорванную вишню выкопать по ямке для будущей посадки деревьев, запланированной нами. Жестоко наказал сторожевой отряд и одного крестьянина из соседнего села, пойманного при попытке выкопать ночью у нас в саду недавно посаженное дерево. Ребята заставили его выкорчевать на склоне горы большой дубовый пенёк, очень мешавший нам при разбивке нового сада. Обливаясь потом, он работал до самого утра.

Согласно традиции, установившейся ещё под Полтавой, Антон Семёнович провёл присвоение звания «колониста» тем из воспитанников бывшей Куряжской колонии, которые показали себя достойными этой чести. Обычно ребята удаивались права носить значок с буквами ГТК – «Горьковская трудовая колония» – только после годичного пребывания в колонии, но для куряжан испытательный срок был сокращён. Они знали давно о нашей традиции: Антон Семёнович рассказывал о ней на общем собрании, воспитатели разъясняли её смысл во время многочисленных бесед. И стремление заслужить почётное звание владело большинством куряжан.

Одновременно было присвоено звание «старшего колониста» тем из старых горьковцев, кто пробыл в колонии больше трёх лет и своим поведением не запятнал значок ГТК, уже давно украшавший их грудь. Звание «старшего колониста» давало важное преимущество тому, кто удостоился его: он в первую очередь направлялся на рабфак или на работу.

По идее Антона Семёновича эта хорошая традиция присвоения званий распространялась не только на воспитанников, но и на воспитателей. Разница заключалась лишь в том, что ребятам звание присваивалось открытым голосованием членов педагогического совета, а воспитателям – закрытым.

И были случаи, правда, единичные, когда воспитатели после года работы не получали большинства при обсуждении их кандидатур на педагогическом совете. Само собой разумеется, что для забаллотированного педагога это было равносильно увольнению: продолжать работу в колонии он уже не мог.

Один из таких неудачников после объявления итогов голосования шумно запротестовал и заявил, что он сообщит в высшие инстанции «о новом макаренковском авантюризме». Выйдя из кабинета Антона Семёновича, где происходило заседание педагогического совета, Афанасий Петрович – так звали этого воспитателя – продолжал громко возмущаться. Кто-то из ребят, догадавшись о причине его негодования и желая посочувствовать Афанасию Петровичу, а может быть, и пошутить над ним, стал его утешать:

– Вы не очень огорчайтесь, Афанасий Петрович. Вот и мне не дали в прошлом году значка, а я взял да исправился и в этом году уже получил его. Вы тоже исправитесь, и вам тоже дадут значок.

Афанасий Петрович, вне себя от гнева, обрушился на своего утешителя с грубой бранью. Если до этого он юридически всё же мог опротестовать решение педагогического совета, так как введённый Антоном Семёновичем своеобразный конкурс воспитателей никем утверждён не был, то после оскорбления колониста этот «воспитатель», независимо от решения педагогического совета, из колонии должен был уйти. Уважение к человеческому достоинству колониста было законом, никаких отступлений от которого Макаренко не терпел.

Жители сёл и деревень, непосредственно прилегающих к колонии, в прошлом обслуживали богомольцев, посещавших куряжский монастырь, обрабатывали монастырские земли, выполняли различные хозяйственные работы для монахов. В этих сёлах жило немало кулаков и торговцев. Колония, разместившаяся в стенах монастыря, кровно задевала их интересы, и нам всегда приходилось быть начеку.

Вначале иные из кулаков пытались даже захватывать земли колонии, запахивали отдельные участки на наших полях, вытаптывали наши посевы, косили траву на наших лугах, рубили деревья в нашем лесу. Однако Антон Семёнович твёрдой рукой сравнительно быстро пресёк все эти поползновения кулаков. Достаточно было кому-нибудь из колонистов крикнуть, что наш огород запахивает Онуфрий Галактионович, как колонисты бросали все дела и через пять – десять минут доставляли в колонию Онуфрия Галактионовича со всем его живым и мёртвым инвентарём «на расправу» к Антону Семёновичу. После соответствующего внушения Онуфрий Галактионович, уплативший штраф, отпускался домой с выдачей имущества. Если же Онуфрий Галактионович, завидев мчавшихся к нему колонистов, бросал на произвол судьбы своё добро, ребята доставляли его инвентарь в колонию, некоторое время пользовались им и возвращали хозяину только после уплаты установленного штрафа.

Трудна была борьба с «частным капиталом» в лице разных предприимчивых дельцов. Вспоминается единоборство колонии с неким Поповым – владельцем лесопильного завода, расположенного в нескольких километрах от Куряжа.

Попов оказался одним из наших первых «гостей» на новом месте. Присмотревшись к строительным работам в колонии, он предложил Антону Семёновичу в кредит большую партию крайне нужного нам лесоматериала. Предложение пришлось принять, так как другой близлежащий лесопильный завод, принадлежавший кооперативному товариществу, в кредите отказал, а деньги по смете нами ещё не были получены.

Лесоматериалы Попов поставил неважные, но что скажешь, если получаешь их в кредит... В дальнейшем мы просто отказались от услуг Попова, но под разными предлогами он продолжал заходить в колонию. Высокий красивый блондин лет тридцати пяти, он производил впечатление «своего парня». Благодаря умению на особый лад подойти к каждому он заслужил среди колонистов общее признание весьма симпатичного и даже передового человека. На него заглядывались девушки. Только наш дядя Вася – инструктор деревообделочной

мастерской, несколько лет работавший у Попова, – охлаждал поклонников своего бывшего хозяина:

– Да, да, что и говорить, на словах – соловей, а на деле – волк. Попадись ему в лапы, так и без портков оставит!..

Примерно через полгода после нашего переезда в Куряж, когда в колонии была организована и начала работать деревообделочная мастерская, мы в поисках заказов предложили местному Обществу пчеловодов изготавливать ульи для пасек. Общество под разными предложениями очень долго тянуло переговоры, и в конце концов они были прерваны. Но на сцене появился Попов.

– Вы хотите изготавливать ульи? Так я уже всё устроил. Идите в Общество пчеловодов и заключайте договор!

Действительно, теперь был оформлен большой заказ, причём Общество предоставляло свои материалы, которые мы должны были получить на лесопильном заводе... Попова! Эти лесоматериалы отличались очень скверным качеством, и мы не раз предупреждали об этом нашего заказчика, но нас успокаивали: «За материалы вы не отвечаете».

Ясно стало, что Попов дал взятку.

Антон Семёнович попытался было разоблачить его, но из этого ничего не вышло. Очень уж хорошо сумел тот спрятать все концы в воду.

Прошло время, и мы снова столкнулись с этим хозяйчиком. Наша деревообделочная мастерская приняла большой срочный заказ, для которого была закуплена в Казани партия круглого леса. Договор на его распиловку мы заключили с кооперативным лесопильным заводом, некогда отказавшим нам в кредите.

Когда маршрут с лесом находился уже в пути, на этом заводе по неизвестной причине произошёл большой пожар. Через день – два лес должен был прибыть на станцию, а завод не работал. Выполнение срочного заказа, принятого нами, срывалось. Если к этому добавить, что на закупку леса была затрачена большая часть наших оборотных средств, то станет понятным, в каком действительно критическом положении очутилось хозяйство колонии.

Вот тут-то на сцене вновь появился Попов. Правда, он был уже не таким весёлым, как раньше. Очевидно, гораздо труднее стало ему осуществлять свои комбинации.

– Не беспокойтесь, – сказал он, – я искренне хочу помочь соседям, попавшим в беду. Лес переадресуем и на моём заводе распилим. Условия? Условия те же, что и на лесопилке товарищества! Вы только дадите мне справку, что завод обслуживает колонию...

Предложение Попова Антон Семёнович поставил на обсуждение совета командиров. Заседание проходило крайне бурно. Теперь все ребята уже были настроены против Попова, и их неприязнь усилилась ещё более, когда стало известно, что тот не раз пытался мелкими подачками подкупать колонистов, заводил с ними при встречах «душевные разговоры», чтобы выяснить, чем сейчас занимается наша деревообделочная мастерская и каковы её нужды. Однако голоса разделились. Часть ребят, понимая всю сложность создавшегося положения, всё-таки высказалась за передачу леса на завод Попова. Другие командиры резко выступили против этого. Оба мнения примирил командир отряда, работавшего в мастерской, Стебловский:

– Если Попов такой хитрый, то давайте его перехитрим. Лес отдадим на распиловку, а сами будем добиваться, чтобы завод у него был вообще отобран и передан колонии. Кто ближе советской власти: колония или какой-то там кулак-спекулянт? Он же, в конце концов, просто враг!

Предложение Стебловского было встречено всеобщим одобрением, хотя кое-кто из командиров высказал сомнение в самой возможности перехитрить этого скользкого дельца.

Антон Семёнович очень внимательно слушал ребят, видно было, что ему доставляет глубокое удовлетворение их политическая активность.

– В нашем положении я вижу сейчас только один выход, – сказал он. – Заключённый нами договор должен быть выполнен, и притом точно в срок. Отобрать у Попова завод – дело не простое, для этого нужно иметь серьёзные основания. Надо проверить, как он использует нашу справку. Попов но такой человек, чтобы упустить случай прижать нас и взять за распиловку много дороже, чем берёт артель. Очевидно, справка о том, что его завод обслуживает колонию, сейчас нужнее ему, чем наши деньги. И поэтому он проявляет к нам такое «великодушие».

Ребята недаром сомневались, удастся ли нам перехитрить Попова. Прослышав о наших планах, он под разными предлогами начал задерживать распиловку леса, и мастерская колонии всё время находилась в полной от него зависимости. В таких условиях предпринимать что-либо против него было опасно: он мог сорвать всю нашу работу по выполнению ответственного заказа.

И вдруг мы узнали от рабочих лесопилки, что Попов сам попал в беду: он обязался поставить кому-то партию пиломатериалов и уже получил деньги вперёд, а выполнить заказ не мог – предназначенный для распиловки круглый лес где-то задержался в пути. Чтобы не платить неустойки, Попов надумал временно воспользоваться нашим лесом.

Ребята, работавшие в мастерской, решили поймать его, как говорится, на месте преступления. Они установили наблюдение за каждым нашим бревном. Когда первая партия пиломатериалов, изготовленная из колониального леса, была подвезена Поповым к железной дороге для отправки постороннему заказчику, на станцию явился Антон Семёнович. Его сопровождали несколько колонистов и я. Мы вызвали Попова, затем председателя рабочкома завода, начальника станции и составили соответствующий акт. Представленные нами доказательства, что лесоматериалы принадлежат колонии, были настолько убедительны, что Попов даже не пытался отрицать предъявленное ему обвинение.

Теперь весь наш лес он распилил без малейших задержек, и у нас оказались развязанными руки, чтобы продолжать борьбу с ним.

Когда по предложению Антона Семёновича финансовым органам были представлены данные о заказах, выполненных Поповым для колонии, сразу выяснилось, что в бухгалтерских книгах завода эти данные завышены по меньшей мере в десять раз! Благодаря нашей справке Попов обманым путём добился пониженного налогообложения. Одновременно раскрылись и другие его финансовые комбинации, наносившие прямой ущерб Советскому государству.

Настойчивость Антона Семёновича помогла нам довести борьбу с Поповым до полной победы. Завод у него был отобран.

«КЛАДОИСКАТЕЛИ»

Зайдя как-то к Антону Семёновичу, я застал у него одну харьковскую учительницу, которая приехала для проведения культурно-массовой работы среди женщин ближайших сёл. Она поселилась в колонии. Это была очень полная женщина, и позже ребята в шутку прозвали её «тётя Пуд». Первый поход на село окончился для неё неудачно. Серки, Кудлатки, Пираты, имевшиеся в каждом дворе, изорвали ей платье, и она под звуки собачьего концерта ускоренным шагом должна была возвратиться в колонию, не успев ничего сделать.

По предложению Антона Семёновича совет командиров прикрепил к «тёте Пуд» колониста Ваню Ивченко, который вооружился огромным дрючком. Теперь культурная работа пошла успешнее. Прожив у нас около двух недель и выполнив свою миссию, «тётя Пуд» собралась уезжать обратно в Харьков. Но в последний день она решила ещё раз посетить село. Так как Ваня уже работал по наряду совета командиров в поле, ей пришлось эту прогулку совершить одной, с могучим ваниным дрючком в руках. То ли «тётя Пуд» стала смелей, то ли собаки привыкли к ней, но путешествие закончилось вполне благополучно. В весёлом настроении, напевая песенку, вступила она на тропинку, пролежавшую меж кустов сирени уже на территории колонии, и здесь произошло то, чего она меньше всего ожидала.

У нас был пёс Шарик – любимец ребят и друг всех сторожевых отрядов. В тот злополучный день Шарик в самом мирном настроении плёлся за колонистом Котовым (младшим), направлявшимся к кухне. Дорожки «тёти Пуд» и Котова пересеклись. Котов приостановился возле кустов сирени, чтобы пропустить вперёд гостью. «Тётя Пуд», не замечая его, прошла мимо, беспечно размахивая длинной палкой. Этого-то и не смог снести Шарик. Он с яростью налетел на «тётю Пуд» сзади. Та, споткнувшись от испуга, упала на землю и стала кричать, приводя в неистовство сторожевого пса.

Котову вся эта сцена показалась такой смешной, что он, вместо того чтобы отогнать Шарика, начал безудержно хохотать. Спасли нашу гостью ребята, работавшие невдалеке на клумбах.

Вечером на общем собрании раскрылось в самом неприглядном виде поведение Котова, нарушившего давно укоренившуюся у нас традицию гостеприимства и внимания к приезжающим. Колонист Денис Горгуль, помощник заведующего хозяйством, обрушился на Котова с громовой речью:

– Такого у нас ещё не бывало, чтобы собака кусала человека, а колонист смеялся бы! Это что же такое? Значит, ежели Шарик набросится на нашу Леночку (пятилетняя дочь одного из преподавателей), то ты тоже будешь стоять и наблюдать, потому что ты, дескать, тут не при чём?!

Котов всегда хорошо работал, принимал горячее участие в общественных делах, но принадлежал к числу упрямых ребят. Если бы он промолчал и не доказывал своей невиновности, его бы ждало не такое уж строгое наказание. Но когда в ответ на выступление Дениса он небрежно процедил сквозь зубы: «Шарик малых детей не трогает», – Антон Семёнович

резко осуждающе заговорил о поведении Котова и напомнил всем о других его провинностях...

– Я вижу, Шарик умнее тебя, раз он детей не трогает. А ведь на тебя были жалобы, что ты обижаешь малышей...

Общее собрание вынесло два решения. Во-первых, Котов должен завтра пойти к «тёте Пуд» извиниться и выполнить всё её приказания. Во-вторых, в день праздника Первого снопа в приказе по колонии Котову будет объявлен выговор с лишением права участвовать в празднике. Если Котов исправится и не совершит никаких новых проступков, это решение будет считаться условным. По предложению Антона Семёновича ребята избрали делегацию к «тёте Пуд», с тем чтобы принести ей извинения от имени колонии.

Котов очень тяжело переживал своё наказание, применявшееся, как он знал, в исключительных случаях. Бродил по колонии унылый и почти ни с кем не разговаривал. Он не мог себе даже представить, что в день Первого снопа его не будет в числе лучших наших косарей. От огорчения он решил уйти из колонии и несколько раз намечал срок побега, но каждый раз откладывал исполнение своего намерения: слишком глубоки были корни, которые связывали его со всей жизнью коллектива горьковцев.

Но однажды после ужина он покинул Куряж с твёрдой решимостью не возвращаться. Уже около километра прошёл он нашими полями и вышел на шоссе, ведущую в Харьков, когда отдалённый сигнал ко сну сразу напомнил ему всё то светлое и яркое, что внесла колония в его жизнь. Котов немного постоял и повернул обратно.

Постепенно его мысли направились в иную сторону: он начал искать какой-нибудь способ загладить свой проступок, и, как это часто бывает в детстве и юности, всевозможные фантастические проекты замелькали в его голове. Вскоре он приступил к деятельному осуществлению одного из них, показавшегося ему самым верным.

Ещё в начальный период завоевания Куряжа среди колонистов-полтавчан образовалась группа кладоискателей... Внешняя обстановка – старинная церковь, часовня, монастырские стены, могильные плиты, пещеры, – всё это возбуждало воображение ребят, настроенных романтически. У кого-то возникла надежда найти “несметные богатства”, которые, несомненно, зарыты где-нибудь на территории монастыря. Однако раскопки кладоискателей, индивидуальные и коллективные, поглощавшие всё свободное от работы время этих романтиков, ничего не дали. В конце концов большинство ребят обратилось к более реальным развлечениям – к купанию, спорту и разным играм. Но слухи о несметных богатствах периодически снова появлялись на свет божий, и тогда опять кто-нибудь из колонистов заболел кладогорячкой.

Эпидемия этой болезни вспыхнула с особой силой, когда на южном склоне нашей усадьбы при нарезке террас, предназначенных для будущего плодового сада, была найдена заржавевшая железная копилка, наполненная старинными медными полушками. Денег там было рублей пятнадцать, но с этого момента заболели кладоискательством многие наши колонисты. Затянувшуюся было нарезку террас ребята выполняли теперь с исключительной быстротой – не только в урочное, но и во внеурочное время. И как хорошо работали они! Мо-

ему помощнику приходилось следить уже не за тем, чтобы нарезка была достаточно глубока, а, наоборот, за тем, чтобы она не оказалась излишне глубокой...

Котов не был склонен к заболеванию кладогорячкой, но после случая с “тётёй Пуд” ему пришло в голову, что если он разыщет настоящий клад и потом преподнесёт колонии какой-нибудь особенно ценный подарок, то наложенное на него взыскание будет отменено. И Котов начал деятельно искать клад. Он привлёк к этой работе нескольких ребят, но они, один за другим, постепенно “выздоровливали”, и в конце концов у него остался только один помощник – Шурка Рыжий, колонист, вызывавший общую антипатию (до поступления в колонию он занимался нищенством и теперь ещё нет-нет попадался на выклянчивании денег у пассажиров дачных поездов). Несмотря на все неудачи, Котов и Шурка упорно продолжали свои поиски. Если первоначально Шурку прельщала одна перспектива – урвать для себя хотя бы кусочек от найденного клада, то потом он увлёкся интересными замыслами Котова, который намеревался осчастливить всю колонию.

Когда на одном из заседаний совета командиров со всех сторон посыпались жалобы на наших кладоискателей – со стороны коменданта (“ребята ходят грязные”), со стороны хозяйственной части (“ребята портят обувь и одежду”), со стороны прачек (“грязь на их белье невозможно отстирать”), – Антон Семёнович приказал вызвать Котова и Шурку Рыжего. И вот они предстали перед столом президиума, действительно грязные, опустившиеся. Антон Семёнович с досадой спросил:

– До каких же пор вы будете заниматься глупостями?

Ребята молчали.

– Ну, хорошо, а как вы поступите со своими несметными богатствами, если действительно их найдёте?

Кладоискатели заулыбались. Этот вопрос был решён ими уже давно.

– Найдём какое-нибудь применение... – скромно ответил Котов.

– Какое же применение? Нелепость, вероятно, какая-нибудь? Говори совету командиров, что вы там придумали!..

– Прежде всего купим вам, Антон Семёнович, фаэтон с парой хороших лошадей или мотоцикл!

– Ну для чего мне фаэтон и мотоцикл? – с досадой ответил Антон Семёнович. – Я и без них прекрасно передвигаюсь по земле. Уж лучше бы вы подумали о ребятах!

– Мы и о них подумали! Вам фаэтон или мотоцикл, а всем ребятам – велосипеды. Вы только подумайте, Антон Семёнович, – всё больше увлекаясь, продолжал Котов, – в Харькове на параде перед трибунами молнией промчимся! Вы на фаэтоне, а ещё лучше на мотоцикле, а мы на велосипедах! А экскурсий сколько можно совершить – в Москву, в Крым, на Кавказ. В море купались бы! Ох, Антон Семёнович, как было бы хорошо...

Надо признаться, что командиры отрядов слушали Котова заворожённо, и видно было, что сейчас они в мыслях своих вместе с ним мчатся на велосипедах по просторам необъятной нашей Родины. Антон Семёнович тоже поддался общему настроению и, забыв о своей досаде, с улыбкой обратился к совету командиров:

– Если все мы будем хорошо работать и учиться,— сказал он, – то не только велосипеды, а и автомобили добудем. И в Москву, и в Ленинград, и куда душа захочет поедem!.. А чтобы окончательно вылечить Котова и Шурку от кладоискательства, я вношу на обсуждение совета командиров следующее предложение: у нас есть ордер на два станка для наших мастеровских, за ними надо ехать далеко, километров за сто, в один совхоз. Давайте завтра пошлём туда на лошадях Котова, Шурку и ещё двух ребят, а командиром назначим Котова. Поручение ответственное – станки надо разобрать, аккуратно уложить и без повреждения доставить в колонию.

После недолгого обсуждения совет командиров утвердил это предложение. Котов в тот же вечер получил у меня инструкции и на рассвете следующего дня выехал со своим отрядом в далёкий путь.

Ребятам пришлось преодолеть большие трудности – очень тяжёлые дорожные условия, нелёгкие поиски фуража для лошадей, да и станки в совхозе им не хотели давать, но через десять дней груз на двух подводах был доставлен в Куряж. Общее собрание заслушало отчёт Котова. О своих путевых невзгодах он говорил мало, но все знали, каким трудным было поручение, выполненное котовским отрядом. Собрание постановило отменить выговор Котову, и он вместе со всеми колонистами участвовал в празднике Первого снопа.

Через год выпускник Котов получил направление на один из крупных машиностроительных заводов Харькова.

Прошло более десяти лет, и случай столкнул меня с его старшим братом, тоже бывшим колонистом (о нём речь впереди). Котов-старший показал мне вырезки из газет – очерки, заметки, – в которых описывались трудовые подвиги его брата, работавшего на Урале. Когда я прочитал, как бригада Котова вышла на первое место в социалистическом соревновании, я невольно вспомнил настойчивые попытки юного колониста отыскать клад в Куряжском монастыре, вспомнил, как успешно доставил он станки в колонию, и подумал об Антоне Семёновиче, сумевшем направить энергию и порывы этого юноши к достижению полезных для общества целей.

Весной 1927 года мы получили долгожданный трактор, а немного позднее наши друзья из Государственного Политического Управления подарили нам второй.

Ребята встретили появление этих машин с настоящим энтузиазмом. И очень скоро многие наши романтики-кладоискатели, увлечшись техникой, стали вполне квалифицированными механиками.

...В один из ноябрьских вечеров, во время ужина, неожиданно погас свет. На нашей электростанции произошла авария с 75-сильным двигателем. Механик заявил, что ремонт требует не меньше месяца, но, добавил он, если кому-то там доплатить, другими словами, дать взятку, то этот срок можно будет сократить до двадцати дней... Мы оказались в тяжёлом положении. Остановка электростанции вызвала ещё и остановку водокачки. Четыреста колонистов и служащих колонии остались без воды и без света, да притом в такое время года, когда рассветает поздно, а темнеет рано...

На следующий день, утром, Антон Семёнович собрал экстренное заседание совета командиров.

Заведующий хозяйством колонии Семён Лукич Рогданович зачитал список предметов, которые нужно приобрести на то время, пока будут стоять электростанция и водокачка. Двести керосиновых ламп, бидоны, запасные стёкла, фитили, новые вёдра – всего около ста различных названий! Сумма непредвиденных расходов оказалась столь значительной, что ребята ахнули, а Антон Семёнович даже переспросил:

– Простите, Семён Лукич, сколько вы сказали?

Кроме того завхоз потребовал организовать специальный отряд для заправки ламп и наблюдения за ними. А выступивший после него механик электростанции опять намекнул, что если кого-то там «подмазать», то, может быть, ремонт займёт и меньше месяца...

Неожиданно попросил слова колонист Беленький.

– У меня есть новое предложение, – уверенно сказал он. – Ничего не нужно покупать, никого не будем подмазывать, а поставим на электростанцию наш трактор, и пусть механик ремонтирует свой двигатель, сколько ему нужно.

Гробовое молчание последовало за этой короткой речью нашего тракториста. Затем заговорили все сразу и азартнее всех механик электростанции. Он с возмущением доказывал абсурдность предложения Беленького.

– Что же ерунду пороть: ведь семьдесят пять сил моего двигателя почти в четыре раза больше двадцати сил вашего трактора!..

Возразить на это было нечего, но оказалось, что Беленький и его помощники уже всё рассчитали и даже сумели довольно убедительно доказать, что наша станция никогда не работала на полную мощность. Последнее слово оставалось за Антоном Семёновичем. Однако он, всегда такой решительный, на сей раз задумался, прежде чем сказать «да» или «нет».

Перевести на язык цифр находчивость ребят было невозможно, а семьдесят пять действительно почти в четыре раза больше двадцати! Но Антон Семёнович и все мы знали на примере завоевания Куряжа, что двадцать могут победить семьдесят пять.

– Возьмётесь ли вы руководить осуществлением этого проекта? – спросил Антон Семёнович меня.

– Попытаюсь, – ответил я, – думаю, что к началу сумерек, часам к пяти вечера, можно закончить подготовительные работы, а там увидим...

К пяти часам, когда пришёл Антон Семёнович, всё уже было подготовлено к пуску станции. И вот наступил решающий момент – уже завели и прогрели двигатель, надели ремень на шкивы трактора и генератора. Беленький плавно включил сцепление, и генератор спокойно заработал на холостом ходу. Теперь надо было включить сеть, осторожно, постепенно увеличивая нагрузку. Но у рубильников стоял механик электростанции, обозлённый вмешательством колонистов в дела, затрагивавшие его личные интересы. Он включил всю нагрузку сразу. Двигатель трактора, как бы надорвавшись, запнулся и тотчас начал уменьшать обороты. Вспыхнувший во всей колонии свет стал тускнеть. По испуганным взглядам ребят я понял, что они растерялись. Антон Семёнович крикнул Беленькому что-то ободряющее. Тот пришёл в себя и быстрым движением руки поставил рычаг газа в положение наи-

большей подачи. Двигатель начал прибавлять обороты. Свет в лампочках становился всё ярче и ярче. И вот они уже горели почти так же ярко, как при двигателе в семьдесят пять сил!

Только сейчас мы заметили, что вокруг собрались все колонисты и служащие. И когда наконец стало совершенно ясно, что свет есть и будет, раздались крики, смех, дружные аплодисменты. Никто не расходился до самого сигнала на ужин, который сегодня надолго задержался.

А через час Антон Семёнович на общем собрании объявил благодарность Беленькому и его помощникам. Он радовался инициативе, технической смекалке и смелости своих воспитанников.

РАБОЧИЙ ДЕНЬ АНТОНА СЕМЁНОВИЧА

Антон Семёнович свой рабочий день начинал обычно с девяти часов, когда сводные отряды уже работали в поле, в саду и на усадьбе колонии. Никаких портфелей и папок он с собой не носил: прекрасная память заменяла ему и блокноты, и инструкции, и всякие справочные материалы. Но часто его можно было видеть со стопкой книг и журналов подмышкой. Сегодня же, кроме книг, он держал в руке небольшой свёрточек. Выходя из дому, Антон Семёнович получил его от своей матери Татьяны Михайловны, с которой вместе жил и которая нежно заботилась о сыне.

Как всегда аккуратно, по-военному одетый, Антон Семёнович прежде всего направился в канцелярию, помещавшуюся на втором этаже главного здания колонии. К этому времени комендантский отряд уже навёл во дворе порядок, а ребята-садовники полили и подчистили цветочные клумбы.

В канцелярии Антона Семёновича встретил улыбающийся Тося Соловьёв, исполнявший обязанности курьера. Таких курьеров, или, как их у нас называли, «канцелярских крыс», было двое, но второй – Петя Романов (Зайцев), друг и приятель Тоси, – лежал в больничке после сильного приступа малярии.

– Доброе утро, Тося! – сказал Антон Семёнович. – Позови ко мне Евгению Александровну и Семёна Лукича, а потом сходи в комнату для приезжих и узнай, встал ли Сидор Иванович.

Наш бухгалтер Евгения Александровна Пышнова и заведующий хозяйством Семён Лукич Рогданович уже ждали курьера и пришли незамедлительно. Начался обычный разговор о деньгах, чеках, переводах, ассигнованиях, сметах, покупках... Вбежавший Тося доложил, что Сидор Иванович встал сегодня очень рано и куда-то ушёл со старшим Чевелием (Жевелием). Деловой разговор по хозяйственным вопросам продолжался, но мысли Макаренко нет, нет, да и возвращались к Сидору Ивановичу и Мите Чевелию, старшему колонисту, известному не только своей хорошей рабочей инициативой, но и умением ловко подшутить над кем угодно.

Сидор Иванович Халабуда был председателем Комиссии помощи детям (Помдет). О нём и о наших взаимоотношениях с ним следует рассказать поподробнее.

Сразу же после переезда в Куряж колония начала испытывать финансовые затруднения. Больше всего огорчений доставляла нам Комиссия помощи детям, финансировавшая бо-

лее половины наших расходов по смете. В «Педагогической поэме» рассказано, как ребята выкачали из Халабуды деньги на одеяла. Но «выкачивать» из него приходилось буквально всё. Халабуда был совершенно неопытен в вопросах воспитания и не очень-то разбирался в нуждах колонии. Но это бы ещё полбеды. Человек мягкий и простосердечный, он попал под влияние разного рода дельцов, вертевшихся вокруг Помдета. Они вовлекали доверчивого и честного Халабуду во всевозможные аферы, сомнительные предприятия, и он забывал о колониях, месяцами не выдавая им причитающихся денег. Особенно трудным, чтобы не сказать безнадёжным, считалось получение от Помдета средств на покупку хозяйственного и учебного оборудования. С течением времени «выколачивание» денег из Халабуды превратилось в своеобразный спорт, которым с увлечением занимались все колонисты. Участие ребят в переговорах с Халабудой облегчалось тем, что он частенько приезжал к нам и оставался погостить в колонии, особенно летом, на день – два. Сидор Иванович и сейчас у нас гостил. Антону Семёновичу необходимо было договориться с ним по ряду вопросов финансового порядка.

Закончив хозяйственные дела, отпустив Евгению Александровну и Семёна Лукича, Макаренко вызвал нашего коменданта Васю Швеца, известного под кличкой «Кудряш» за свои действительно прекрасные чёрные, вьющиеся колечками кудри. Вдвоём они отправились в утренний обход спален колонистов. Проходя мимо комнаты для приезжих, Антон Семёнович встретил Халабуду, запыхавшегося от быстрой ходьбы.

– Вы куда это так рано ходили?

Сидор Иванович, обычно разговорчивый, на этот раз промямлил в ответ что-то невнятное и, не задерживаясь, поспешно скрылся за дверью. Мысли Антона Семёновича вернулись к Чевелию: не Митя ли – виновник смущённого вида и дурного настроения Сидора Ивановича? Антон Семёнович продолжал путь к спальням ребят, уже рассеянно слушая болтливую Васю Швеца.

В спальнях Швец поднимал то на одной, то на другой кровати подушку, матрац или простыню. Сначала всё было в порядке, но под матрацем колониста Бондарчука оказалось штук десять зелёных яблок. Швец, не задумываясь, отрапортовал:

– Яблоки из сада Гордея Юхимовича, это точно!

– Удивительно, что ты так точно знаешь, из какого сада яблоки...

Сказав Васе, чтобы он забрал эту находку, Антон Семёнович пошёл дальше. Возле кровати Швеца, застланной с особым шиком, с небольшой кокетливой подушкой в изголовье, Антон Семёнович остановился.

– А ну, подними матрац!

– Да что вы, Антон Семёнович, разве я себе позволю!

– Ну, ну, не разговаривай, подымай матрац!.. Под матрацем, однако, ничего не оказалось.

– А что у тебя в сундучке? – спросил Антон Семёнович (старшим колонистам разрешалось иметь сундучки).

– Да всякая мелочь.

– Дай слово колониста, что в сундучке нет ничего недозволенного, в том числе и яблок!..

– Да, Антон Семёнович, я же вам говорю!..

– Ты не заговаривай меня – или дай слово колониста, или открывай сундучок.

Пришлось Швецу открыть сундучок, запёртый каким-то особо секретным замком. Сверху в нём лежали яблоки – десятка два, таких же, как у Бондарчука, но покрупнее и поспелее.

– Так ты что ж, на пару с Бондарчуком работал?

– И скажете такое, Антон Семёнович! – возмутился Швец.– Вы же сами видите: у него зелёные яблоки, а у меня спелые. Мне их подарила Катя, дочь Гордея Юхимовича...

– Хорошо, мы это разберём вечером на общем собрании, а пока все яблоки сдашь Дроздюку (секретарю совета командиров).

Сердитый вид Антона Семёновича не предвещал для Васи Швеца ничего хорошего, и тот поплёлся сзади, став вдруг молчаливым и унылым.

После обхода спален Антон Семёнович направился в больничку, где лежал Петя Романов.

– Здравствуй, Петя! Как себя чувствуешь? Кто тебя навещал? Что ты хочешь, чтобы тебе приготовили на обед? – спросил Антон Семёнович.

Петя отвечал вяло, скучным голосом. Чтобы развеселить мальчика, Антон Семёнович предложил ему поиграть в загадки. Петя охотно согласился.

– Давай начну я... Сколько у тебя на руке пальцев? – спросил Антон Семёнович и показал растопыренную ладонь.

Петя с некоторой нерешительностью посмотрел на руку Антона Семёновича, потом на свою и ответил:

– Пять.

– Верно. Ну, а на двух руках сколько пальцев? – И Антон Семёнович показал Пете обе руки.

Теперь мальчик более решительно ответил:

– Десять!

– Верно. Ну, а на десяти руках сколько пальцев? – быстро спросил Антон Семёнович и взмахнул перед Петиними глазами обеими ладонями.

– Сто! – уверенно ответил Петя.

– А ты подумай, прежде чем отвечать, – улыбнулся Антон Семёнович.

– И думать нечего! Десять на десять, Любовь Петровна учила нас, будет сто!

Антон Семёнович молчал, отрицательно покачивал головой, и это заставило мальчика задуматься. Наконец он понял свою ошибку.

– А зачем вы мне обе руки показали? – с обидой проговорил Петя.– Так нельзя!..

– Нет, можно. На то это и загадка: Надо слушать внимательно, не зевать и не отвечать наобум... Ну, теперь ты задавай загадку!

Петя не остался в долгу. Правда, загадки он не смог придумать, но всё-таки вышел из положения с честью.

– Антон Семёнович, я читал одну книжку, и в ней есть слово «Ривьера». Что это такое?

Престранные объяснения Антона Семёновича Петя прослушал внимательно и серьёзно. Но потом в его глазах появилась улыбка.

– Ну, а теперь, Антон Семёнович, быстро-быстро много раз скажите: Ривьера, Ривьера, Ривьера...

Набор совершенно невразумительных слов, в которых слышалось: «ревела, ревела, ревела...»,– привёл Петю в весёлое настроение. Разговор продолжался, и скоро больной вместе с посетителем стал хохотать от души.

Уходя, Антон Семёнович передал Пете маленький свёрточек.

– Это тебе от моей мамы... Ну, не скучай. Я скоро пришлю Тосю посидеть с тобой и поиграть...

Возле больнички Антона Семёновича поджидал наш техник-строитель, с которым ещё накануне было условлено осмотреть здание электростанции, давшее трещину. Осмотр, обсуждение мер, которые необходимо принять во избежание беды, разговоры с колонистами, работавшими на станции,– всё это заняло немало времени. Антон Семёнович намеревался ещё до обеда пройти в мастерские, чтобы проверить, как там идут дела... Но посещение мастерских пришлось отложить. Прибежал запыхавшийся Тося.

– Антон Семёнович, к вам пришли какие-то двое, один в очках, другой с бородой, очень сердитые!

– Сейчас приду. Да ты обожди, не беги, пойдём вместе... А почему ты думаешь, что они сердитые? – спросил Антон Семёнович уже на ходу.

– А вот расскажу всё по порядку,– зачастил Тося.– Заходят они в канцелярию, тот, что в очках, строго спрашивает: «Где заведующий колонией Макаренко?» Я ему говорю, что Антон Семёнович только что закончил обход спален, задержался немного в больничке с Петей Романовым, а сейчас находится на электростанции с нашим техником-строителем. Тогда другой, бородатый, на меня так и окрысился: «Ты откуда, мальчик, всё знаешь? Правду, видно, говорят, что все у вас всё знают и все командуют!»

– Ну, а что ты ему сказал?

Едва поспевая за Антоном Семёновичем, Тося торопливо ответил:

– Я им сказал, что вы, когда уходите, всегда говорите, куда... А тот, второй, опять сердито спрашивает: «У вас в колонии часто бьют?»

Антон Семёнович замедлил шаг и нахмурился. Его противники не раз задавали ему такого рода вопросы, не верили его ответам и сеяли клевету.

– Ну, ну, продолжай,– сказал он Тосе.

– Я молчу, не пойму, о чём он говорит, кого это у нас бьют? А тут Алёшка Новиков, вы ж знаете, какой он языкастый... Как услышал, о чём меня спрашивает бородатый, так взял да и брякнул: «Конечно, лупцуют, иной раз до крови!» Только он это сказал, оба наперебой и давай спрашивать: «Как часто бьют? Почему не убегают воспитанники? Как это вы, ребята, терпите?» А Новиков им в ответ спокойно так и говорит: «Своих же Антон Семёнович ведь не бьёт, а только приезжих, которые со всякими глупостями пристают!»

Антон Семёнович нахмурился ещё сильнее и, шагая рядом с Тосей, молча ожидал конца его рассказа.

– Тогда приезжие давай о чём-то шептаться, а когда я им сказал, что пойду вас позову, они стали меня отговаривать: «Ты, мальчик, не беспокойся, мы обождём, пока он сам придёт...» Я их не послушал, у нас ведь не полагается, чтобы посетители ждали, и побежал за вами... Вот и всё.

Как ни был раздосадован Антон Семёнович глупыми расспросами посетителей, оказавшихся работниками одной детской колонии возле Днепропетровска, он принял их любезно, не укорив ни словом.

– Вы спрашиваете, на каких положениях или принципах построена организация жизни коллектива колонии? Вопрос очень важный, основной в нашей воспитательной работе с ребятами. Но я бы предпочёл ответить на него только после того, как вы детально ознакомитесь с колонией. Тогда вы отнесётесь с большим доверием к моим словам и забудете обо всяких слухах и клевете, распространяемых о колонии её врагами...

Гости охотно согласились с предложением Макаренко и в сопровождении недавно приехавшего к нам на каникулы рабфаковца, бывшего колониста Белухина, отправились знакомиться с Куряжем. Только одно условие в категорической форме поставил перед ними Антон Семёнович: не расспрашивать ребят об их жизни до поступления в колонию.

Ещё во время разговора с гостями Антон Семёнович, продолжая, как всегда, чутко следить за течением колониального дня, заметил, что сигнал на обед запаздывает. Прошло уже десять минут сверх положенного срока! В Куряже Антон Семёнович с первого дня установил правило, по которому о всяком нарушении распорядка жизни колонии, об опоздании любого сигнала более чем на пять минут дежурный воспитатель обязан был немедленно сообщать ему. А затем вопрос о каждом таком нарушении подлежал обсуждению на общем собрании колонистов или на совете командиров. Поэтому Антон Семёнович был уверен, что сейчас, после ухода гостей, к нему зайдёт дежурный воспитатель. Действительно, не прошло и минуты, как в дверь постучались. В кабинет вошла воспитательница Зинаида Петровна и доложила, что на кухне произошла авария: неожиданно лопнул котёл, и пищу пришлось перекладывать в другую, поэтому обед немного запаздывает. В ряду других происшествий, случившихся за время её дежурства, Зинаида Петровна отметила опоздание на работу без уважительной причины Мити Чевелия.

Имя Чевелия невольно воскресило в памяти Антона Семёновича неприветливую утреннюю встречу с Халабудой.

Хотя время было обеденное, пойти домой Антону Семёновичу не удалось. Сперва пришли комсомольцы из соседнего села с просьбой помочь организовать вечер самодеятельности, затем появился Семён Лукич, только-только возвратившийся из Харькова с невесёлым сообщением, что Помдет опять задержал выдачу денег. Наконец, вернулись гости, закончившие обход колонии. Как и предвидел Антон Семёнович, от прежнего недоверия и предвзятости у них не осталось и следа. Гости просили разрешения приехать завтра утром и снова пробыть в колонии до вечера...

Только в пять часов Антон Семёнович смог пойти домой пообедать, а в шесть он уже вновь выходил из своей квартиры.

В дневное время, когда колонисты работали, Антон Семёнович занимался главным образом организационными и производственными делами, вечерние же часы целиком отдавал ребятам. Начиная с шести его всегда можно было найти среди колонистов в клубе, в читальном зале, во дворе. Сегодня же, после доклада Семёна Лукича об очередной неурядице с Помдетом, нужно было без промедлений переговорить о денежных делах колонии с Сидором Ивановичем. Антон Семёнович опять вспомнил и утреннюю прогулку Халабуды с Чевелием и смущённый вид председателя Помдета при встрече возле комнаты для приезжих. Антон Семёнович обратил внимание и на какое-то перешёптывание Чевелия, Новикова и других ребят на скамейке возле клуба: они замолчали при его приближении, когда минут пять – десять тому назад он направлялся к себе в кабинет. Всё это беспокоило его и почему-то связывалось с мыслями о Халабуде.

Неожиданно дверь приоткрылась, и в кабинет просунулась голова Алексея Новикова.

– Антон Семёнович, к вам можно?

– Ты хочешь мне сообщить что-нибудь очень важное, да? – шутливо спросил Антон Семёнович.

– Совершенно верно, Антон Семёнович, очень важное! Мы тут задумали такое дело, что Халабуда все деньги, которые нам должен, сам на стол выложит. Вы только устройте, чтобы он обязательно на общее собрание сегодня пришёл, да Митю Чевелия не очень ругайте за утреннее опоздание на работу и не расспрашивайте, почему он опоздал. После всё вам расскажем...

Антон Семёнович задумался. Его как педагога и воспитателя радовало, что колонисты живут с ним одной жизнью, одними интересами и заботами. Не хотелось огорчать ребят отказом от участия в их «заговоре»: по глазам и по всему поведению Новикова он видел, что они задумали не просто шутку, а что-то серьёзное. Расспрашивать о подробностях их замысла он считал для себя невозможным, раз они сами преднамеренно не хотят посвящать его в детали дела: этим он выразил бы им недоверие, чего во взаимоотношениях с колонистами, особенно старшими, не допускал никогда. Ответ мог быть только один: или отказ или согласие. Но взаимоотношения с Помдетом были проблемой особой важности. Вправе ли он передоверить её решение самим ребятам?

Новиков с нетерпением ожидал ответа, но Антон Семёнович медлил. Чтобы выгадать время, он стал уверять Новикова, что ребятам лучше отказаться от своих намерений, так как «Вообще нет никаких сил и способов воздействовать на Халабуду». Но Новиков с жаром ответил:

– Не сомневайтесь, Антон Семёнович, дело самое наивернейшее! Пусть нас гром убьёт или Николай Эдуардович пошлёт бегонию пикировать, если оно сорвётся! А за Сидора Ивановича не беспокойтесь. Никакого насилия не будет...

Уверенность Новикова в успехе, подкреплённая такой серьёзной готовностью к самопожертвованию, подкупила Антона Семёновича. Вспомнив примеры блестящего выполнения Калабалиным, Белухиным, Лопотецким и другими колонистами очень ответственных пору-

чений, Антон Семёнович согласился помочь ребятам в их «наивернейшем деле», но предупредил, чтобы они не допускали никакой грубости по отношению к Халабуде и вообще не обидели бы как-нибудь старика.

Обрадованный Новиков хотел было уже помчаться к товарищам с радостным известием, но Антон Семёнович, нахмутив брови, остановил его:

– Что это ты болтал сегодня перед обедом двум приезжим, ожидавшим меня? Чтобы этого больше никогда не было! Понял?

– Есть, понял! Больше не будет никогда! – весело ответил Новиков и исчез за дверью.

Ребята придумывали разные способы заставить Сидора Ивановича раскошелиться, или, как они стали говорить потом, «подцепить Халабуду на крючок». Но самый многообещающий план возник у них, когда стало известно, что Сидор Иванович – большой любитель поудить рыбу. Накануне того дня, к которому относится рассказ, Митя Чевелий завёл с Сидором Ивановичем разговор о всякой всячине и, как бы невзначай, рассказал, что сейчас по утрам замечательно рыба ловится – успевай только вытягивать. Вчера, например, в речушке Уде, протекавшей вблизи колонии, он, Митя, самолично подцепил краснопёра, по меньшей мере килограмма на три! Вертевшийся тут же Петька Левша с особо таинственным видом сообщил, что и он несколько дней тому назад выхватил удочкой из ямы, той, что за мостом, почти полуметрового карпа!

Через полчаса Сидора Ивановича и Митю Чевелия уже можно было видеть за деятельной подготовкой к завтрашней ловле. Они заготовили по пяти удочек на каждого и по предложению Халабуды смастерили ещё и сачок с длинной ручкой на случай, если «стервец», который, безусловно, будет пойман, попытается оборвать или перекусить леску. Они осмотрели место ловли и обильно разбросали приманку – куски чёрного хлеба. Закончив такую тщательную подготовку, наши рыболовы уселись на берегу реки и стали мечтать о возможных результатах предстоящей ловли. Чевелий, которого интересовал вопрос, как подцепить на крючок не мифического краснопёра, а самого Халабуду, намекнул, что ему как колонисту надо попросить разрешения отправиться завтра на рыбную ловлю: он ведь может опоздать на работу... И тут же добавил:

– А вдруг не отпустят, что тогда?

Размечтавшийся Халабуда, как и следовало ожидать, возмущился и безапелляционно заявил:

– Ты же не с кем-нибудь, а со мной пойдёшь рыбачить! Я-то ведь над всеми вами начальник. Если захочу, так и десять колонистов возьму с собой! Понятно?

Чевелий поспешил воспользоваться этим и попросил дать ему на всякий случай справку – «на предмет его участия в рыбной ловле». Халабуда назвал Чевелия дураком, но парень не отставал, и в конце концов Сидор Иванович на клочке бумаги написал справку следующего содержания: «Чевелий Митька находится в моём распоряжении до необходимого срока. Сидор Халабуда».

Возвратившись в колонию, Халабуда отпустил Чевелия, приказав ему на рассвете явиться в комнату для приезжих со всем «оборудованием». Митя сразу же помчался созывать

на экстренное совещание своих друзей. Очень скоро в укромном уголке колонии были разработаны все детали завтрашней «ловли» Халабуды.

...Рано утром наши рыболовы уже сидели с удочками на берегу реки.

Прошёл час, два, три... Солнце поднялось довольно высоко, но весь улов пока составляли две небольшие плотички. Чевелий с жаром убеждал Сидора Ивановича, что «настоящая рыба» пойдёт позже – ведь и он, Митя, своего краснопёра поймал позавчера что-то около десяти часов, не раньше!

Уже отгубили сигналы на подъём, на завтрак, на работу, а наши горе-рыболовы, ничего не замечая и не слыша, продолжали упорно сидеть в ожидании «настоящей рыбы». Неожиданно из-за кустов показался Алексей Новиков и, делая вид, что не замечает Сидора Ивановича, начал кричать:

– Ты, Митька, чего тут сидишь? Ребята в поле работают, а ты возле речки прохлаждаешься! А для чего это ты пять удочек захватил? На лягушек разве? Справедливо сказано и старой поговорке, что рыбка любит лодыря, а пашня труженика. Кто разрешил тебе отлучаться из колонии?

Чевелий сделал вид, что сильно напуган, вынул справку Халабуды и подал её Новикову, но тот, не читая, спрятал справку в карман и продолжал:

– Смотри, ещё и документик припас! Антон Семёнович разберётся, кто тебе его дал, и вlepит хорошенько вам обоим – и лодырю и покровителю лодырей! А сейчас марш в поле, на работу!

– Ну чего расшумелся! – миролюбиво сказал Халабуда.

– А, Сидор Иванович! Добрый день! Вы тоже здесь? – сказал Новиков так, будто только теперь заметил Халабуду. – Нехорошо, Сидор Иванович! Видите, что колонист порядок нарушает, бездельничает, а вы его не гоните домой... Он и справкой от какого-то начальника, которому до колонии дела нет, обзавёлся. А вы ему потакаете... Счастливой ловли, Сидор Иванович!.. – И Новиков скрылся в кустах.

Крайне сконфуженный всем, что наговорил Новиков, Халабуда сразу же после ухода Чевелия поспешил в колонию, забыв даже о пойманных плотвичках. Встреча с Антоном Семёновичем возле комнаты для приезжих, видимо, окончательно испортила ему настроение, и Сидор Иванович, по этой ли причине или по какой другой, до самого вечера не выходил из своей комнаты.

...Оставшееся до общего собрания время Антон Семёнович провёл в беседах с ребятами. Увидев вышедшего наконец из дома и усевшегося на скамейке Халабуду, Антон Семёнович с группой ребят направился к нему и пригласил его принять участие в общем собрании колонистов. Польщённый вниманием, Халабуда согласился придти.

Когда в зале появился Сидор Иванович, ребята дружно ему зааплодировали и с нетерпением стали ожидать, как развернутся события: большинство из них уже знало о подготовлявшемся «моральном наступлении» на руководителя Помдета. Собрание проходило спокойно, и добросердечный Сидор Иванович, растроганный и аплодисментами колонистов и тем, что его посадили на почётное место, с улыбкой оглядывал ребят, не предвидя никаких каверз и подвохов с их стороны.

Дольше, чем на других вопросах, задержались только на истории с яблоками. Когда секретарь совета командиров Дроздук выложил на стол «вещественные доказательства», найденные под матрацем Бондарчука и в сундучке Швеца, всё внимание ребят поглотили яблоки, и они на время забыли о Халабуде. Во всяких яблочных происшествиях ребята разбирались лучше даже, чем сам Антон Семёнович. Несколько наводящих вопросов, заданных провинившимся, сразу же привели в ясность всё дело. Слово взял Матвей Белухин.

– Что можно сказать о Бондарчуке? Залез в сад Гордея Юхимовича, нарвал яблок и честно признался. А вот со Швецом дело другое! Катя, дочь Гордея Юхимовича, увлечённая кудрями Швеца, стала угощать своего ухажёра плодами из отцовского сада, и он, воспользовавшись её доверием, за её спиной набрал себе, как вы видите, двадцать отборных яблочек. Конечно, мы все не прочь залезть в сад – кто из нас не бывал грешен! – но с этим надо бороться. И наказать надо обоим. Но Швецу за такую мелкую подлость, как обман девушки, недостойный колониста, я предлагаю усилить наказание: во-первых, остричь ему кудри, чтобы не смущал больше дивчат, а во-вторых, запретить ему раз навсегда принимать от них подарки!

Предложение Белухина – остричь кудри – привело Швеца в полное смятение. Со слезами на глазах и с дрожью в голосе он стал уверять общее собрание и Антона Семёновича, что больше никогда не то что на яблоки, но и на Катю не посмотрит!..

По выражению лица Антона Семёновича нельзя было сказать, поддержит ли он Белухина или пощадит Швеца. Ему хотелось, чтобы ребята сами пришли к определённому решению. Он выступил только в конце обсуждения.

– Вася, наш комендант, конечно, мастер своими кудрями девушкам головы кружить, – сказал Антон Семёнович, – но свои обязанности он исполняет хорошо: везде чистота и порядок, он не корчит из себя какого-нибудь барина или приказчика, а сам, где надо, действует и метлой, и лопатой, и граблями. Наказать его следует, однако я предлагаю оставить только второе предложение Матвея – запретить Швецу принимать подарки от девушек и предупредить его, что в другой раз он будет острижен наголо. В отношении Бондарчука, по-моему, можно ограничиться запрещением на месяц ходить в деревню. Через месяц яблоки отойдут, и у него не будет больше соблазнов.

Общее собрание согласилось с Антоном Семёновичем. Швец был счастлив: страшная угроза миновала.

Сидор Иванович с большим интересом прослушал обсуждение всей этой истории, но когда собрание перешло к следующему вопросу и командир сводного отряда Перцовский доложил об опоздании на работу Чевелия, Халабуда почувствовал себя неловко. Антон Семёнович, как и обещал Новикову, не стал расспрашивать о причинах митинового проступка, но заявил, что проступок этот тяжёлый, и предложил лишить Чевелия на месяц права исполнять должность помощника дежурного воспитателя, которая считалась весьма почётной. Митя не стал оправдываться и принял наказание как вполне заслуженное.

Собрание продолжалось. Поднялся Семён Лукич и попросил слова.

– Скоро ребята начнут учиться в школе, лето на исходе, а у нас очень плохо обстоит дело со столами, стульями и другой мебелью для школы, – сказал он.

Антон Семёнович спросил, какой же выход из положения предлагает Семён Лукич, и тот ответил, что надо просить Комиссию помощи детям оплатить из причитающихся нам по смете средств хотя бы расходы на материалы – доски, гвозди, клей; тогда мастерские колонии быстро сделают сами недостающую мебель.

Все мы вопросительно поглядывали на Сидора Ивановича, ожидая, что он скажет. Сидор Иванович сделал, однако, вид будто слова нашего заведующего хозяйством никакого отношения к нему не имеют. Тогда ребята, считая момент самым подходящим, приступили к осуществлению своего плана – «подцепить Халабуду на крючок». Встал Алексей Новиков и сказал:

– Тут в одном деле требуются ваши разъяснения, Антон Семёнович.

– А это дело к мебели для школы имеет какое-нибудь отношение? – спросил Антон Семёнович, догадываясь, что сейчас начнётся атака ребят на Халабуду, что выступления и Семёна Лукича и Новикова заранее подготовлены.

Новиков на мгновение замялся, а потом весело ответил:

– Самое что ни на есть прямое!

– Ну, тогда говори...

– Митя Чевелий доказывает, что сели какой-нибудь наш харьковский начальник приедет, то он имеет право без вашего, Антон Семёнович, ведома или без ведома дежурного дать любое распоряжение колонисту и тот обязан это распоряжение выполнить! А по-моему, тут что-то не так... Приедет, к примеру, зимой кто-нибудь из начальников и скажет: «Бросайте, ребята, учиться, у меня тут есть дельце поважнее, мне на зайцев сходить охота, а одному скучно, давайте собирайтесь, учење подождёт!» Что тогда делать? А некоторые начальники своими действиями так и показывают, что им до нашего учења дела никакого нет. Прямо не говорят, а школу, чем надо, но обеспечивают! И даже в колонии на дисциплину внимания не обращают... Вот сегодня Митя Чевелий получил распоряжение... – Новиков не спеша полез в карман, достал справку, которую утром ему предъявил Чевелий, и, помахивая ею в воздухе, победоносно посмотрел на Сидора Ивановича.

Тот сидел в полном смущении, не зная, что сказать, и отводил глаза. Антон Семёнович, сообразив, что ребята вынудили доверчивого Халабуду написать какую-то компрометирующую его справку, с улыбкой поглядывал на Сидора Ивановича, сидевшего с ним рядом, ожидая, как тот выйдет из этого весьма неприятного положения. А Новиков, продолжая помахивать справкой, с притворной нерешительностью спросил:

– Не знаю, зачитывать этот документик или, может, разорвать?

– Порви его к бису! – не выдержал Халабуда и, нагнувшись к Антону Семёновичу, прошептал: – Говорили о столах, стульях, шкафах, а тут, здорово живёшь, на каких-то начальников из Харькова перешли. Скажи ребятам, что завтра дам распоряжение выдать все деньги на оборудование для школы... С ними только свяжись!

Сообщение Антона Семёновича о том, что Халабуда, обдумав нашу просьбу, нашёл возможным её удовлетворить и завтра уже можно будет закупать материалы для мастерских, потонуло в восторженных криках ребят. Новиков спрятал злополучную справку, так и не зачитав её. Сидора Ивановича не качали только потому, что он успел скрыться за спину Антона

Семёновича, умоляя защитить его от этих «дьяволов», которые вытрясут из него «не только столы, стулья и шкафы, но и душу со всеми потрохами»...

Ребята расходились весело и шумно. Чевелий, окрылённый победой, крикнул:

– Так как же завтра, Сидор Иванович, пойдём краснопёров ловить?

– Уж ты, пустомеля первой категории, замолчал бы лучше! – погрозил ему кулаком Халабуда. – А между прочим, с нами, бюрократами, иначе и нельзя! – уже добродушно добавил Сидор Иванович и вместе с Макаренко направился к нему в кабинет.

Усевшись поудобнее в кресле, Сидор Иванович закурил трубку и не спеша, с удовольствием предался размышлениям вслух. Он говорил о достижениях колонии и при этом выказывал особые симпатии Антону Семёновичу:

– Как это ты так сумел ребят преобразовать! Ещё недавно Куряж по кирпичику растаскивали, а сейчас в колонии только и разговору, что надо строить, – то строить и это строить. Вот в Подворском сельсовете трое твоих колонистов и агроном! Как послушаешь, как это Горгуль и другие авторитетно докладывают в сельсовете об усилении борьбы с кулачеством и бандитизмом, так и не поверишь, что ещё год – два тому назад были беспризорными. На что уж твой Тоська Соловьёв – скромный мальчик, а и тот сегодня пристал ко мне – не отвяжешься, – чтобы отдал я для библиотеки книги, которые у нас в Помдете в кладовой лежат. И скажи ты на милость, как он узнал про эти книги, когда мне самому про них ничего известно! Вот только не пойму я одного: отчего это ты не ладишь с нашими инспекторами? Ведь они ж институты кончали! Уступил бы им в чём-нибудь, а? Тогда общими силами двинули бы эту самую педагогику. А то ведь сам знаешь, плохо у нас с этим делом.

Антон Семёнович насторожился, едва только Халабуда заговорил об «уступках инспекторам». Это была для него не новая тема. Но он никогда не допускал и мысли о возможности каких бы то ни было уступок в принципиальных вопросах. Отчеканивая каждое слово, он сказал Халабуде:

– А что, ежели я, Сидор Иванович, посоветую тебе уступить в чём-нибудь меньшевикам и эсерам, чтобы вместе с ними «общими силами» строить Советское государство?

– Ну, ты скажешь такое... То партийное дело, а это...

– А это что? Не партийное дело? А чьё же? Может быть, инспекторов Наробраза? Нет, Сидор Иванович, воспитание молодёжи – партийное дело, и ты как коммунист должен это понять. Ты только подумай, куда тянут меня все ваши Петровы, Брегели, Духовы, Козловы, Шаринны и другие! «Боже сохрани как-нибудь влиять на ребят – их сознание должно развиваться самостоятельно!», «Нельзя учить ребят ненавидеть врагов, так как все люди – братья!», «Нельзя наказывать ребят за плохие поступки, так как это их ожесточит!» И так далее и тому подобное... Вспомни, что совсем недавно проповедовала Брегель: колонии нужно закрыть, а беспризорных, видишь ли, отдать на воспитание кулакам! А твой Духов и десяток его родственников, наводнивших аппарат Наробраза? Вспомни, сколько раз их вычищали из вашего аппарата. Почему же вы их снова восстанавливаете на прежнем месте? А ваш Петров, профессор, «крупнейший авторитет в вопросах воспитания», так воспитал своего сына, что вынужден был для исправления отдать его в колонию. Хороша и Козлова (Зоя)! Спроси наших новых колонистов, как она обучала их следить за мной и потом доносить ей. Конечно, и

среди ваших инспекторов есть люди, понимающие и ценящие успехи и опыт колонии, но, к сожалению, они ещё в меньшинстве и часто не решаются прямо выступить против наших врагов,— добавил Антон Семёнович.

Насколько Макаренко был прав, можно судить по одному тому, что враги, о которых он говорил Халабуде, были впоследствии разоблачены на Украине как пособники кулаков, троцкисты, буржуазные националисты. Нужно вспомнить здесь и то, как сурово были осуждены нашей партией извращения педологов.

– Ты, Сидор Иванович, не думай, что нас никто не поддерживает!– продолжал Макаренко. – Я тебе назову тех, кто на нашей стороне. Это прежде всего работники детколоний, разуверившиеся в «помощи» Петровых, Брегелей и Шариных. Это рабочие-коммунисты с харьковских заводов, частенько заглядывающие к нам, чтобы собственными глазами посмотреть на нашу жизнь. Это бедняцко-средняцкое селянство, которое с нашей помощью объединяется в артели. Я не говорю уже о селянской молодёжи – она вся на нашей стороне. А сколько детей из кулацких семейств, познакомившись с колонией, ушло от родителей! А вузовская молодёжь! Ты думаешь, она не видит разницы между пустыми словами профессора и живой, творческой работой всего нашего коллектива? Знаешь, что мне напоминают писаки – составители всяких инструкций и проектов, окопавшиеся в Наробразе? Пузырьки на воде во время дождя: надуваются, лопаются и исчезают без следа.

Халабуда не рискнул вступить в спор с Антоном Семёновичем и только с огорчением проговорил:

– Тебя всё равно не переспоришь, пойду спать... Шум в колонии стал стихать, но в кабинете Антона Семёновича ещё долго раздавались голоса. Пришли наши актёры, они собрались на репетицию «Леса» Островского. Роль Несчастливцова исполнял Антон Семёнович. До двенадцати часов был слышен его голос – то актёра, то режиссёра спектакля. Часто доставалось от него воспитательнице Любове Петровне, игравшей роль помещицы Гурмыжской.

– Да смотрите вы ласковей на своего жениха Буланова! – умолял её Антон Семёнович.– Забудьте вы, что это Гриша, неудачный охотник, разбивший сегодня стрелой из лука стекло в вашей комнате. Он больше этого делать не будет.

– Правда, Гриша?

Очень удручённое гришино «да» показывало, что он весьма опасается последствий своей неудачной охоты, тем более что «невеста» уже дважды подала ему реплику совсем не по пьесе:

– Где хочешь возьми, а чтобы завтра стекло было вставлено!..

Только в начале первого возвратился Антон Семёнович домой. Татьяна Михайловна спала, но на столе он увидел тщательно укутанный чайник и ужин, прикрытый белой салфеткой, приготовленный заботливой рукой матери.

В БОРЬБЕ С ПРОТИВНИКАМИ

В 1927 году Антон Семёнович разработал проект создания Управления детколониями Харьковской области (тогда ещё губернии), которое должно было взяться за широкое внедрение в жизнь опыта колонии имени М. Горького.

Со своим проектом Антон Семёнович ознакомил Галину Стахивну Салько – председателя Комиссии по делам несовершеннолетних. Она горячо поддержала Макаренко и приняла деятельное участие в осуществлении его замысла.

Отдел народного образования Харьковского губисполкома, конечно, высказался против предложений Антона Семёновича.

Однако проект был одобрен одним из заместителей председателя губисполкома, хорошо знавшим старый и новый Куряж. Но заведовать Управлением детколониями Антон Семёнович отказался, и по его совету во главе этого нового учреждения была поставлена по совместительству Галина Стахивна Салько. Макаренко стал её заместителем, заведование производственной частью Управления поручено было мне.

Работники Наробразы не могли примириться со своим поражением. Они продолжали борьбу, и по их настоянию Управление не получило никаких административных прав и, в частности, права сменять персонал детских учреждений.

Вся наша работа протекала глазным образом на местах и начиналась с подробного изучения жизни той или иной колонии.

На общих собраниях ребята расспрашивали Антона Семёновича о жизни в колонии имени М. Горького, и часто их вопросы убеждали нас в том, что кто-то (мы хорошо знали кто!) ведёт сознательно клеветническую агитацию против Макаренко.

– Правда ли, что у вас если не слушаешься, то бьют?

– Есть ли у вас карцер?

– Часто ли оставляют только на хлебе и воде?

А на собраниях педагогов и воспитателей Антона Семёновича всюду спрашивали об одном и том же: какие меры воздействия применяет он к провинившимся ребятам. Чувствовалось, что вопрос о борьбе с хулиганством – большое место всех колоний и никто не знает, как по-настоящему подойти к разрешению этой проблемы.

Не все педагоги относились с доверием к Антону Семёновичу, когда он говорил, что в колонии имени М. Горького никакого карцера нет, ребят не бьют и не наказывают лишением пищи. Один из таких скептиков по приглашению Макаренко прожил у нас три дня, тщательно осмотрел все уголки Куряжа и всё же перед отъездом спросил:

– Где у вас карцер? Я его искал, искал, но так и не нашёл.

Антон Семёнович покачал головой, невесело улыбнулся и высказал опасение, не напрасно ли вообще этот «педагог» приезжал к нам.

Слухи о предстоящем разгоне педагогического персонала всегда предшествовали нашему приезду в ту или иную колонию. Бывших классных дам, педелей, учителей-неудачников было среди воспитателей в то время немало, они-то и распространяли эти слухи. Кажется, в Волчанске один такой «воспитатель» неопределённого возраста, в засаленном долгополом пиджаке, напоминавшем халат Плюшкина, сложив руки на животике, скучным голосом спросил Антона Семёновича:

– Правда ли, что, приняв Куряжскую колонию, вы уволили всех воспитателей? Неужели не нашлось ни одного достойного работать под вашим руководством?

– Да, я действительно уволил всех,– сказал Антон Семёнович.– Возможно, среди них были и достойные, но, находясь в Куряже, они дошли до такой степени разложения, что сами нуждались в воспитателе. Но почему это вас так беспокоит?

– Имея жену и наследников, интересуюсь, что ждёт меня в будущем, дабы заблаговременно принять необходимые меры к подысканию крова,– витиевато ответил этот субъект.

Подобные этому воспитателю типы встречались почти в каждом детском учреждении, они пугали ребят мнимыми ужасами жизни в колонии имени М. Горького и сеяли среди педагогов сомнения в плодотворности идей А. С. Макаренко.

Попадались и такие педагоги, которые полагали что введение одних только внешних организационных форм, заимствованных из опыта нашей колонии, уже само по себе сразу поднимет дисциплину среди ребят. А так как их надежды рушились, они начинали взывать к помощи Антона Семёновича, прося его скорее приехать и навести порядок. Антон Семёнович рассказывал анекдотический факт. Один из таких руководителей всякий раз, когда ему не удавалось справиться с провинившимся колонистом, в качестве последней, самой страшной угрозы обещал ему:

– Ну вот, приедет Антон Семёнович, наведёт на тебя специальный аппарат, и через пять минут станешь тихий, как овечка, на всю жизнь!

Но во многих колониях – Лозовской, Валковской, Дергачёвской – заведующие и воспитатели с радостью изучали и с успехом проводили в жизнь макаренковскую педагогическую систему.

Серьёзную идейную борьбу большого принципиального значения пришлось вести Антону Семёновичу с заведующим одной из детколоний Васелюком.

Эта колония («Степная») обладала примерно 1000 гектарами пахотной земли. Хозяйство в ней было поставлено неплохо, она располагала большими запасами зерна и других сельскохозяйственных продуктов, а среди колонистов Васелюк поддерживал довольно строгую дисциплину.

Для нас было ясно, что обработать такую большую посевную площадь силами одних колонистов нельзя. По доходившим до Харькова сведениям, многие ребята в Степной колонии находились на положении батраков, а значительная часть земли регулярно сдавалась в аренду приезжим крестьянам за плату натурой из будущего урожая. Всё это требовало проверки.

Ещё до организации Управления детколониями Васелюк, выступая на совещаниях в Наробразе, похвалялся своими богатствами, своей материальной помощью государству, но о воспитании и учёбе колонистов умалчивал.

– У наробразовских мудрецов вскружилась голова от тех тысяч пудов хлеба, которые собирает Васелюк,– сказал однажды Антон Семёнович, когда мы возвращались из Наробраза.– Но они не видят, что за этими пудами хлеба прячется кулак со своими кулацкими методами обогащения. А с воспитанием ребят в Степной колонии дело обстоит неблагоприятно. В этом надо разобраться и вывести Васелюка на чистую воду.

И вот как-то ранним утром мы выехали втроем – Галина Стахиевна, Антон Семёнович и я – «в гости» к Васелюку.

Вечером в десяти километрах от Степной колонии наш автомобиль закапризничал, и нам пришлось остановиться. Кругом была глухая степь без признаков жилья, только откуда-то издалека доносился в тишине неясный шум. Быстро надвинулась тёмная, осенняя ночь, а шофёр ещё не успел устранить неполадки в моторе. Вдвоём с Антоном Семёновичем мы отправились на поиски ночлега, а Галина Стахиевна осталась поджидать нас в машине.

Мы шли туда, откуда слышался шум, и скоро на склоне глубокой балки увидели приветливо мигающие огоньки. Перед нами раскинулся хутор с несколькими домами, хозяйственными постройками и обширным двором, на котором в беспорядке сгрудились десятки телег; у кормушек стояли привязанные лошади и волы. Всюду горели костры, и вокруг них сидели крестьяне, приехавшие, как видно, издалека. Всё это напоминало большой табор. Далеко разносились громкие голоса спорящих, окрики конюхов и погонщиков волов, ржание лошадей и рёв скота...

Мы спустились к ближайшему дому, надеясь договориться с хозяином о ночлеге. Вошли – и, удивлённые, остановились у входа. За большим некрашеным дощатым столом при свете двух коптящих ламп ужинали человек двадцать грязных и оборванных ребят в возрасте десяти – пятнадцати лет. Они черпали какую-то похлёбку из расставленных на столе мисок; двое парней повзрослев и лучше одетых непрерывной бранью и угрозами поддерживали за столом порядок. Нам нетрудно было сразу понять, что мы находимся среди беспризорных. Но как они попали сюда? И кто эти двое надсмотрщиков? Это было неясно.

Заметив нас, ребята притихли. Сделав вид, что мы случайные проезжие и зашли узнать дорогу, Антон Семёнович непринуждённо заговорил с ребятами. Их недоверчивое отношение к незнакомцам стало рассеиваться. И вскоре, несмотря на окрики надсмотрщиков: «поменьше болтайте», – они заговорили с нами откровенно.

...Направленные ранней весной в Степную колонию, ребята были размещены на этом хуторе; им обещали, что если они хорошо поработают, то осенью их переведут в главную усадьбу колонии, где они будут учиться в школе; однако недавно сюда приезжал заведующий и сказал, что он с кем-то заключил договор на откорм быков, теперь ребята должны будут ухаживать за быками всю зиму и только через год попадут в главную усадьбу; надсмотрщики – это старшие колонисты, отбывающие двухнедельное дежурство на хуторе. Ребята рассказали также, что сейчас сюда съезжаются для копки и возки сахарной свёклы крестьяне из дальних деревень.

Антон Семёнович спросил, что они знают о колонии имени М. Горького. Ребята дружно ответили: «Там колонистов бьют, И сам заведующий – бывший царский офицер, и воспитатели – тоже, и старшие колонисты – тоже...» Всё это, по словам ребят, стало им известно от Васьки по кличке Перебийнис, убежавшего из колонии имени М. Горького. Сейчас он находится в Степной, на главной усадьбе...

Васька Перебийнис был одним из тех немногих «воспитанников» старого Куряжа, которые не сжились с коллективом горьковцев. За систематическое спаивание малышей водкой Макаренко отчислил его в своё время из колонии. Попав к Васелюку, он или по злобе или по наущению распространял о нас гнусную ложь.

Когда мы вышли из этого дома, огни хутора не показались нам, как прежде, приветливыми. Всё вокруг вызывало только чувство горечи и обиды. Рассказ Антона Семёновича о виденном и слышанном так возмутил Галину Стахиевну, что она наотрез отказалась перебраться на хутор.

Кое-как скоротали мы ночь в степи, а к девяти часам утра добрались до Васелюка.

Он уже знал об организации Управления детколониями Харьковской губернии и встретил нас весьма любезно. Беседу вела Галина Стахиевна и отчасти я. Антон Семёнович упорно молчал. Только когда Васелюк заявил, что его система воспитания, в сущности говоря, очень близка к системе воспитания в колонии имени М. Горького, но имеет то преимущество, что приводит к «большому экономическому эффекту», Антон Семёнович бросил язвительную реплику:

– О нет! Нам ещё многому надо учиться у Степной колонии, и, конечно, прежде всего методам накапливания материальных благ...

Осматривая школу, мы увидели, что в ней занимаются всего тридцать – сорок колонистов. Галина Стахиевна сухо спросила:

– Где же остальные ребята?

Васелюк поспешно ответил, что ещё не окончены полевые работы и поэтому многие ребята живут в хорошо устроенных хуторах, где они полдня занимаются сельскохозяйственным трудом, а полдня учатся в организованных на месте школах. Мы невольно переглянулись. Антон Семёнович продолжал молчать, но по напряжённому выражению его глаз мы понимали, что гроза надвигается.

Галина Стахиевна попросила после конца уроков собрать колонистов в клубе.

Когда мы заняли места в президиуме, Антон Семёнович обвёл глазами зал, увидел Ваську Перебийниса, притаившегося в самом дальнем углу, и подозвал его.

Через минуту, поставив перетрусившего Ваську перед столом президиума, он приказал ему без лишних слов ответить на вопрос, кто научил его клеветать на колонию имени М. Горького. Окончательно растерявшийся Васька залепетал, что он ничего не знает и ничего плохого о Куряже не говорил.

Антон Семёнович отослал его на место, а сам начал рассказывать ребятам обо всём, что мы видели и слышали на хуторе. Он гневно говорил о том, что в Степной колонии ребята разделены на сынков и пасынков: меньшую часть составляют они, сынки, сидящие сейчас здесь, в клубе, и живущие в лучших условиях, а большую – остальные колонисты, пасынки, разбросанные по хуторам. Они, сынки, воспитываются в кулацком духе, чтобы стать надсмотрщиками над своими товарищами, которые находятся на положении батраков. Колония создаёт свои запасы хлеба за счёт эксплуатации пасынков и приезжих крестьян. Неужели ребята сами этого не понимают?!

Васелюк пытался было прервать речь Макаренко, предлагая обсудить все эти «непринципиальные» вопросы на педагогическом совещании, но Антон Семёнович, всем корпусом повернувшись к нему, резко сказал:

– Нет! Это вопросы сугубо принципиальные, и их надо обсудить прежде всего здесь. Ребята должны знать, что они идут назад – к кулацкому хозяйству, а не вперёд – к коммунизму!

Васелюк притих, Антон Семёнович продолжал. Он заговорил теперь о колонии имени М. Горького. Мне много раз доводилось слушать рассказы Антона Семёновича о жизни и воспитании горьковцев, но такого яркого, сильного, глубоко впечатляющего рассказа я никогда не слышал ни раньше, ни позже.

Враждебность колонистов давно уже как рукой сняло. Они слушали Макаренко, затаив дыхание, боясь пропустить хотя бы одно его слово.

– Верите ли вы мне, что всё рассказанное мною о колонии имени М. Горького – правда? – спросил в заключение Антон Семёнович.

– Верим! – раздались дружные возгласы ребят. Отказавшись от приглашения Васелюка «по-товарищески отужинать», мы, несмотря на приближение ночи, выехали обратно в Харьков: уж очень не хотелось оставаться с ним под одной кровлей.

Однако серьёзно оздоровить Степную колонию нам не удалось: в Губнаробразе и даже в Наркомпросе Украины было ещё много неразоблачённых защитников Васелюка и его «системы воспитания». Но идейная борьба с Васелюком продолжалась. Антон Семёнович, где и когда только мог, беспощадно вскрывал кулацкий характер васелюковского «рентабельного» хозяйства.

Работая в Управлении детскими домами и колониями Харьковской губернии, Антон Семёнович оставался заведующим в Куряже. Он категорически отказался уйти из колонии: она была его детищем, его гордостью, его домом.

В начале 1928 года опасно заболела Г. С. Салько. Руководство Управлением легло на плечи Антона Семёновича. Атмосфера недоброжелательства со стороны аппарата Губнаробраза сгущалась вокруг него, придирки и дёрганье становились всё нестерпимее, и в конце концов Антон Семёнович вынужден был отказаться от этой работы. Вместе с Антоном Семёновичем ушёл из Управления и я. Оно просуществовало ещё очень недолго и, к нескрываемой радости работников Наробраза, было ликвидировано.

Многие педагоги и воспитатели часто просили Макаренко дать им в письменном виде инструкцию, обобщающую опыт педагогической работы в колонии имени М. Горького. Эти просьбы были особенно настойчивы, когда Антон Семёнович работал в Управлении детколониями. Он обычно отвечал, что такую инструкцию написать очень трудно. «Знаете что, – говорил он, – приезжайте лучше к нам в Куряж, чтобы непосредственно ознакомиться с жизнью горьковского коллектива». Когда мы, ближайшие его помощники, со своей стороны, спрашивали, почему он в самом деле не напишет столь необходимой инструкции, Антон Семёнович признавался, что не знает, в какой форме можно было бы это сделать. Изложить обобщающий материал в виде сухого документа – значит наверняка причинить делу вред, это приведёт только к формальному выполнению требований системы. Нужно создать такую инструкцию, которая была бы не перечнем правил, а изображением, картиной воспитательно-педагогического процесса в действии. Именно тогда он окончательно уверился в том, что раскрыть опыт работы колонии имени М. Горького можно наиболее полно только на страни-

цах художественного произведения, только в живой, образной форме можно показать весь сложный процесс воспитания ребят разного типа и характера.

Но первоначальный, ещё смутный замысел такого произведения возник у Антона Семёновича значительно раньше. Ещё в 1927 году у него уже были начерно написаны некоторые главы будущей книги. Когда мы праздновали годовщину нашего переезда из Полтавы в Куряж, вечером на товарищеском ужине Антон Семёнович вдруг признался, что он «литературно оформляет различные эпизоды из жизни колонии», но тут же сказал, что ещё не представляет себе, какова будет окончательная форма его литературных набросков. Ознакомить нас с написанными страницами он не захотел из опасения, что «действительные лица, узнав себя в литературных героях, перестанут быть по-обычному простыми и искренними». Это было в мае 1927 года.

Противники Антона Семёновича кричали на всех перекрёстках, что его уход из Управления детколониями – несомненное доказательство «поражения макаренковской системы воспитания». Нападки на Антона Семёновича и на всё, что им было сделано, начали изо дня в день усиливаться. Участились посещения Куряжа различными комиссиями и инспекторами. Они стремились собрать «неопровержимый» материал для обвинения Антона Семёновича в том, что его система является... несоветской.

Особенно запомнилось мне обследование колонии комиссией, которую возглавляла Брегель – ответственный работник Наркомпроса Украины. На собрании колонистов, созванном по её требованию, присутствовали Антон Семёнович и я, а остальные служащие, педагоги и воспитатели на эту «особо важную» беседу с ребятами допущены не были. Открывая собрание, Брегель заявила, что комиссия приехала изучить наши нужды, с тем чтобы «поднять колонию на ещё более высокую ступень». Однако за этой хорошей декларацией скрывалась совсем другая цель, которая нет-нет, да и обнаруживалась в словах Брегель, когда она, как бы между прочим, обращалась к колонистам с просьбой сообщить, не обидел ли кто-нибудь из них Антон Семёнович, не оставляют ли колонистов без еды в наказание за проступки, не бьют ли ребят заведующий, воспитатели, старшие колонисты. Словом, мы услышали старую песню! При этом председательница комиссии настойчиво убеждала ребят, что они не должны бояться, говорить правду, что за это они наказаны не будут. Она вела беседу вкрадчивым, елейным тоном, в таком же духе разговаривали с ребятами и другие члены комиссии.

Но колонисты не скрывали своей любви к Антону Семёновичу, и это бесило Брегель.

Правда, кто-то из старых куряжан вдруг заявил, что его сильно «шговхнув» (толкнул) один воспитатель, но сразу же выяснилось, что он имел в виду давно уволенного «педагога» из прежней Куряжской колонии. Беседа продолжалась уже более двух часов, а исследователи всё ещё не смогли получить столь желанных для них сведений.

Антон Семёнович пока не проронил ни слова, но вот он не выдержал, встал и обратился к ребятам не с просьбой, а с требованием ничего не таить про себя, честно рассказать комиссии все обиды на него и на любого из воспитателей и служащих колонии. При этом он назвал фамилии нескольких колонистов, которые были им наказаны в последние дни. Брегель немедленно вызвала их, но они в один голос, дружно заявили, что Антон Семёнович наказал

их за дело, так какая же может быть у них обида на него! Стоит заметить, что все они были не старые горьковцы, а бывшие куряжане. Наконец после долгих, всё новых и новых взываний председательницы поднялся уже знакомый нам старший колонист Дмитрий Чевелий и громко сказал, что он очень обижен на Антона Семёновича и воспитателя Чапьяна (Буцай). Члены комиссии сразу оживились – зашелестели бумаги, заскрипели перья.

Когда Чевелий выходил к столу президиума, ребята провожали его суровыми взглядами, но, как только он начал свой рассказ, они поняли, что Митя просто решил разыграть комиссию. Ребячьи лица засветились улыбками, из зала понеслись насмешливые реплики в адрес председательницы.

По словам Мити, на прошлой неделе он как-то зашёл в неурочное время на кухню и попросил старшую кухарку дать ему обед: он, мол, опоздал пообедать в столовой. Кушать на кухне колонистам не разрешалось, но старшая кухарка, поворчав, дала Мите тарелку борща. Едва он успел черпнуть ложкой, как в кухню зашёл дежуривший в этот день Чапьян.

– Ты что здесь делаешь? – спросил воспитатель, увидав Чевелия. – Ведь ты только полчаса тому назад пообедал в узловой, и, по твоей просьбе, тебе ещё дали прибавку!..

Кухарка, услышав эти слова, схватила деревянный половник и с криком: «А, так ты мне брехать!» – ударила им Чевелия. Половник треснул. Борщ кухарка вылила в ведро, а Митю выгнала вон из кухни.

Выслушав этот рассказ, председательница комиссии с досадой спросила:

– И это всё? В чём же состоит твоя обида на воспитателя? Это всё?

– А как же! – не задумываясь, ответил Чевелий. – Борщ-то ведь пропал! Не зайти воспитатель на кухню, я бы ещё раз пообедал!

– А на Антона Семёновича за что ты в претензии, – уже со злостью спросила Брегель.

– Да ведь Антон Семёнович объявил выговор кухарке, и мне теперь не то что в кухню зайти, а и мимо пройти нельзя! Кухарка кочергой побить грозитя! Ей богу! – сказал он, притворяясь сильно взволнованным.

Чевелий возвращался на своё место, пожимая плечами, с видом человека, удивлённого, как это его обиды, о которых он так подробно и ясно рассказал, остались непонятыми... А ребята веселились от души, глядя на него.

Разгневанная комиссия под нескрываемые насмешки колонистов уехала восвояси, так и не собрав данных, которые помогли бы «поднять колонию на ещё более высокую ступень».

Хотя никаких отрицательных материалов ни одна из подобных комиссий представить не смогла, всё же Духовы, Брегели, Петровы и прочие сумели провести через Наркомпрос Украины решение, по которому система воспитательно-педагогического процесса, разработанная Антоном Семёновичем Макаренко, была признана несоветской. Трудно и горько сейчас вспоминать об этом. То, что казалось невероятным, стал совершившимся фактом. В июне 1928 года Антон Семёнович вынужден был подать заявление об уходе. Меня и ещё нескольких «старых горьковцев» Антон Семёнович об этом предупредил, но просил никому не рассказывать о том, что произошло, чтобы раньше времени не огорчать ребят и вообще не нарушать спокойной трудовой жизни колонии.

Надо ли говорить, какую душевную боль он испытывал те дни, какая тяжесть лежала у него на сердце... Но он продолжал работать с неослабевающей энергией. Его больше всего угнетало, что в коллективе, который ему предстояло покинуть, оставалось ещё немало ребят, нуждавшихся в серьёзной и повседневной воспитательной «обработке». Среди таких неустойчивых колонистов были не только подростки, но и уж взрослеющие юноши. Антон Семёнович высказал мысль, что взрослых ребят, пожалуй, лучше будет ещё до его ухода направить на производство. Если они останутся в колонии, без твёрдого руководства быстро разболтаются и начнут разлагающе влиять на других ребят, – рабочая среда, большой, мощный коллектив завода скорее удержат их от неправильного шага.

Антон Семёнович составил список таких колонистов и немедленно начал подыскивать для них работу. Но нужно было сделать не только это: ребят следовало где-то поселить и на первых порах помочь им в бытовом устройстве. Они уходили в жизнь из колонии, которая стала для них отчим домом, и она должна была о них позаботиться. Антон Семёнович принял эту заботу на себя, и ещё до того, как он навсегда покинул колонию, ребята-выпускники были обеспечены и работой и благоустроенным жильём.

ГОРЬКИЙ У ГОРЬКОВЦЕВ

В те же дни, омрачённые тягостными раздумьями о предстоящем уходе Антона Семёновича, в жизни колонии произошло событие, быть может, самое радостное за все годы её существования, и это на время заглушило наши тяжёлые переживания.

В начале 1928 года возвратился из Италии Алексей Максимович Горький. Мы не сомневались, что на приглашение посетить колонию он ответит согласием. На общем собрании Антон Семёнович предложил немедленно начать подготовку к будущей встрече дорогого гостя. Собрание шумно одобрило идею Антона Семёновича преподнести Горькому в подарок книгу о жизни колонистов, написанную самими ребятами. Решено было поместить в ней биографии всех горьковцев.

С этого момента наш коллектив зажил одной мыслью, одной целью: достойно встретить своего великого друга и шефа. Теперь всё оценивалось с предполагаемой точки зрения Алексея Максимовича: одобрит он или не одобрит, заинтересуется или не заинтересуется, приятно ему будет или безразлично?..

Когда из-за холодной погоды на несколько дней задержались всходы кормовой свёклы, со всех сторон посыпались всевозможные предложения, как ускорить прорастание семян; кто-то даже потребовал развести на посевах костры! Ребята приходили в ужас от одной только мысли, что Алексей Максимович, осматривая наши поля, увидит и этот участок! О появлении запоздавших, но дружных всходов огородники докладывали на совете командиров как об очень важном событии.

Ребята очистили от мусора большую площадку и разбили на ней прекрасную клумбу. Наши цветоводы выложили из цветов замысловатый вензель «М. Г.». В клубе и на стенах главного здания появились тщательно выписанные колонистами цитаты из произведений Алексея Максимовича и многочисленные лозунги.

Даже малыши, и те полны были забот. Наловив всяких зверюшек – ежа, мышей, кроликов – и где-то раздобыв птиц – кобчика, горлицу, удода, – ребята любовно ухаживали за ними, задумав подарить Алексею Максимовичу весь этот зоологический сад.

В середине июня 1928 года в Москву к Горькому выехала наша делегация. Её сообщение, что Алексей Максимович согласился погостить у нас несколько дней, взбудоражило; всех и вся. На экстренно созванный совет командиров сбежалось столько колонистов, что заседание пришлось перенести в наш клуб.

Проект украшения Куряжа, предложение пошить новую летнюю одежду для колонистов и купить новую столовую посуду споров не вызвали. Затруднения начались, когда перешли к разговору о том, как будет жить в колонии Алексей Максимович. Какую мебель поставить в отведённых ему комнатах? Нужно ли зеркало и какое: во весь рост или меньше? Как быть с кроватью: поместится ли Алексей Максимович на обычной кровати или необходимо сделать специальную, ему по росту? Чем кормить Алексея Максимовича? Нужно ли обучить нашу кухарку приготовлению каких-нибудь особенных блюд? Командир отряда сапожников предложил обсудить вопрос о сапогах для Алексея Максимовича на случай дождя...

Было решено, что наша столярная мастерская сама изготовит всю недостающую мебель и прежде всего письменный стол и рабочее кресло. А кровать наметили купить новую «с примеркой» на самого высокого колониста, каким у нас считался Калабалин. Вопрос о зеркале вызвал споры, но в конце концов все пришли к единодушному заключению, что зеркало во весь рост необходимо только артистке, а Алексею Максимовичу оно, пожалуй, не потребуется, поэтому совет решил повесить в спальне небольшое круглое зеркало, а на туалетный столик поставить складной трельяж.

Дольше всего обсуждался вопрос о питании. Ребята предложили готовить для Алексея Максимовича те блюда, какие они сами больше всего любили: гречневую кашу с салом на завтрак, украинский борщ и отварную свинину на обед, жареный картофель и компот на ужин. Наша старшая кухарка и воспитательницы выступили с шумным протестом против такого меню, и ребятам пришлось согласиться, что, пожалуй, и в самом деле надо запланировать пищу полегче. Была избрана комиссия, которой поручили тщательно продумать этот вопрос.

Предложение командира отряда наших сапожников единогласно одобрили, но изготовление сапог отложили, так как было неясно, какого размера обувь носит Алексей Максимович и как быть с примеркой, – тут уж Калабалин не годился...

Теперь каждый день можно было наблюдать, как во всех уголках Куряжа ребята что-то мыли, чинили, ремонтировали, красили, белили, очищали от пыли. И к тому времени, когда была получена телеграмма, что Алексей Максимович 8 июля приезжает в Харьков, всё уже было приведено в полный порядок.

Когда кончился парад колонистов, во время которого над территорией старого монастыря то и дело разносились торжествующие крики «ура» и радостные возгласы ребят, Антон Семёнович предложил Алексею Максимовичу отдохнуть после дороги.

Спутник Горького, фамилию которого я уже забыл, человек, по-видимому, весьма общительный, остался во дворе с ребятами и тотчас же был атакован взволнованной колонист-

кой Тасей – членом комиссии по приёму Алексея Максимовича. Она решила сразу прояснить все сложные вопросы гостеприимства.

– Скажите, пожалуйста, какие блюда больше всего любит Алексей Максимович? Рано ли ложится спать? Не нужно ли положить на кровать Алексею Максимовичу перину? А подушек, как вы думаете, трёх достаточно?

Узнав, что трёх подушек, пожалуй, многовато, но что Алексей Максимович любит после ужина пить чай с лимоном и что вообще доктора рекомендуют ему есть лимонов как можно больше, Тася пришла в полное смятение: она знала, что, кроме клубники и черешни, в колонии нет сейчас никаких ягод или фруктов. Она стремглав помчалась к Елизавете Фёдоровне, которая по её виду решила, что случилось какое-то непоправимое несчастье.

– Ох, что мы будем делать? Алексея Максимовича нужно кормить только лимонами! А у нас их нет ни одного!.. – с плачем, скороговоркой доложила Тася.

Елизавета Фёдоровна успокоила её, как могла, убедив, что она преувеличивает потребность Алексея Максимовича в лимонах, но беспокойство охватило уже и её: «В самом деле, надо же что-то предпринять!» А тем временем кабинет Антона Семёновича, где всё это происходило, наполнился ребятами, прослышавшими о неожиданном затруднении.

– Что будем делать? – обратилась к ним Елизавета Фёдоровна. – Кто возьмётся поехать в Харьков и добыть лимоны?

Ребята молчали. Это была для того времени года нелёгкая задача. Кто-то робко предложил послать гонцов на самолёте в Москву или на Кавказ.

Но вот слово взял Новиков-старший, Жора, известный всей колонии своей находчивостью и ловкостью, правда, иногда направленными совсем не в ту сторону, куда следовало.

– Я поеду! – заявил он.

– У тебя есть какой-нибудь определённый план?

– Ах, Елизавета Фёдоровна, да разве для такого дела можно заранее план составить! Вся надежда на учёт обстановки и на содержимое вот здесь, – с улыбкой ответил Жора, постучав пальцем по лбу.

– Я думаю, что надо на всякий случай и ещё кого-нибудь послать в Харьков, – сказала Елизавета Фёдоровна. – Может быть, и ты, Денис, поедешь?

Отказываться от поручения, как бы необычно и сложно оно ни было, настоящему колонисту не полагалось; Денис Горгуль, исполнявший обязанности помощника заведующего хозяйством колонии, молча вышел из толпы ребят.

Через пятнадцать – двадцать минут высокий, худощавый Жора и низенький, плотный Денис отправились в Харьков. Кто-то шутливо крикнул им вслед:

– Эй, Дон Кихот, куда ты со своим Санчо Панса отправляешься? Смотри, не задерись там с мельницами, их по дороге много!

Но ни тот, ни другой даже не обернулись, поглощённые мыслями о том, как выполнить ответственное поручение, от которого, по убеждению всех ребят, зависела самая честь колонии, принимавшей в своих стенах великого гостя.

После короткого отдыха Алексей Максимович попросил ребят показать ему колонийское хозяйство.

Ребята справедливо считали, что Горького, безусловно, интересует всё, что есть в колонии, и водили Алексея Максимовича по всем, даже самым отдалённым уголкам Куряжа. Они с гордостью демонстрировали ему наши цветники, оранжерею, сад, молочную ферму, конюшню, свинарник... И на каждом шагу засыпали его бесчисленными вопросами. Алексей Максимович без конца отвечал и отвечал, глядя на ребят со своей спокойной, ласковой и мудрой улыбкой.

– Вот наш «Молодец»! Правда, он потомок орловских рысаков? – спросили ребята Горького, приведя его на конюшню.

Алексей Максимович не возражал и даже нашёл у «Молодца» какие-то стати, подтверждающие породу. Осмотрели и других лошадей. Затем вышли во двор, где возле кормушки, опустив голову, стоял конь «Мальш», доживавший у нас свою старость. Ребята захотели и «Мальша» показать Алексею Максимовичу.

С невинным видом спросили они у Горького, сколько, по его мнению, лет «Мальшу».

Алексей Максимович сказал:

– Надо думать, лет пятнадцать уже есть. Ребята загалдели все сразу:

– Что вы, что вы, гораздо больше! – и стали звать Силантия Грищенко (Отченаша), нашего старшего конюха.

Силантий, который всем говорил «ты», независимо от пола и возраста собеседника, явился незамедлительно.

– Смотри, Алексей Максимович, – сказал он, открывая рот «Мальшу», – зубы-то совсем истёр, гладко ведь... Никак ему не меньше тридцати. Да ты рукой пощупай, не бойся! Пока язык держу, не куснёт!

И Алексей Максимович, к ликованию ребят, вынужден был заглянуть «Мальшу» в рот и «рукой пощупать», чтобы убедиться в старости нашего водовоза. Впрочем, всё это доставляло Горькому видимое удовольствие, его радовали и галдёж ребят, и споры с ними, и их жадная заинтересованность во всём, что касалось колонии, и их стремление узнать, как он относится ко всем деталям колонийской жизни.

В оранжерее Алексей Максимович сразу согласился, что левкой пахнет хорошо, а роза ещё лучше, что табак и матиола – неказистые цветочки, но обладают привлекательным ароматом, что львиный зев зря назвали львиным, ничего львиного в нём нет.

При осмотре свинарника Алексей Максимович с улыбкой признал, что «Акулька» – красавица, а «Машенька» всё же красивее. Потом, показывая на недовольно повизгивавшую «Зазнайку», ребята начали жаловаться Горькому, что «Зазнайка» – самая большая крикуха, просыпается раньше срока и требует корму, а если опоздать на пять – десять минут, то подымет такой визг, что Антон Семёнович обязательно присылает дежурного узнать, не случилось ли чего в свинарнике. А когда её выпускают гулять, «Зазнайка» обязательно в огород лезет! Алексей Максимович посочувствовал ребятам, что им приходится иметь дело с такой невоспитанной свиньёй, но вопрос, который они тут же задали ему, поставил Алексея Максимовича в тупик.

– Почему «Зазнайка» поросится пятью поросятами, а все остальные свиньи дают по восьми и даже больше? Ведь, верно, это потому, что она так много кричит? – совершенно серьёзно спрашивали ребята.

Алексей Максимович задумался. Что тут ответить, чтобы не попасть впросак?

– Вот что, ребята, – серьёзно сказал он, – вы «Зазнайку» за её крик, видно, не любите и плохо за ней ухаживаете. Так нельзя! Надо ко всем свиньям относиться хорошо.

Ребята сейчас же признались, что «Зазнайке» за её крик, действительно, попадает, но дали Алексею Максимовичу слово, что теперь-то уж они будут за ней смотреть в оба.

На скошенном прибрежном лугу ребята рассказали Алексею Максимовичу, как весело было здесь работать – косить траву, сгребать и укладывать в копны сено, а в перерывах купаться в реке.

Косари расхвастались, а лучший наш косарь сказал, что он выкашивал за восемь часов по гектару луга, «а то и больше!». Алексей Максимович от удивления даже остановился, потом улыбнулся и весело заговорил:

– Ты, дружок, старику загнул и даже очень! Посмотри на мои плечи и руки – во какой я могу дать размах косе!.. – При этих словах он взмахнул руками, как будто и в самом деле косил. – Так вот, с таким размахом и только в степи, на реденькой травке, работая от зари до зари, я накашивал десятину, то есть чуть-чуть побольше гектара. А на этом лугу с такой густой и высокой травой, как я вижу по копнам сена, больше полудесятины не укосил бы...

Ребята поддержали Алексея Максимовича, и нашему косарю пришлось сознаться, что он в самом деле «чуток загнул».

Побродив по лугу, ребята решили соблазнить Алексея Максимовича выкупаться. Видно, ему очень хотелось принять их предложение, но, помянув недобрым словом своё здоровье, он согласился только посидеть на берегу, чтобы посмотреть, как ребята будут плавать «на взмашки», «собачкой», «на бочку с подпрыжкой». Ребята затеяли соревнование пловцов, и по горящим, помолодевшим глазам Алексея Максимовича было видно, что он, как и болельщики-колоницы, волнуется, с увлечением ожидая исхода заплывов. Он не мог усидеть на месте, поднялся с земли, чтобы на упускать из поля зрения всего происходящего, и иногда казалось, что вот-вот и сам сбросит одежду и ринется догонять пловцов своими сажеными «взмашками». Ребята чувствовали, что Горький живёт в эти часы одной жизнью с ними, и, как умели, выказывали ему свою мальчишескую влюблённость в него.

...Прошло четверть века с тех пор, как видел я возвращающегося с луга Алексея Максимовича, окружённого толпой весёлых, мокроволосых после купания ребят, но и сейчас эта яркая, полная жизни и света картина, достойная стать сюжетом для талантливого живописца, во всей своей красоте стоит у меня перед глазами.

Вечером Алексей Максимович присутствовал на общем собрании колоницев и принимал рапорты от командиров отрядов.

В это время на кухне шли приготовления к ужину. Тася уже раз десять выбегала во двор посмотреть, не возвратились ли Жора или Денис с лимонами. Пришла на кухню и Елизавета Фёдоровна проверить, всё ли готово для нашего дорогого гостя. Тася с глазами, полными слёз, сразу же начала жаловаться на неспособность Новикова и Горгуля не только что

лимоны достать, но даже нос вытереть без няньки... Но волнение Таси было напрасно. Дверь неожиданно распахнулась, и на пороге появился запыленный Жора; глаза его сияли, шапка еле держалась где-то на затылке, он тяжело дышал.

– Получайте, Елизавета Фёдоровна, лимончики! Десять штук, как один!

– Миленький Жорочка, где ты достал? – с жаром воскликнула Тася.

– Неужели и вы, Елизавета Фёдоровна, думали, что я могу не выполнить поручения. – не обращая внимания на Тасю, гордо сказал Новиков. – Слушайте, как дело было... – И, немного отдышавшись, Жора стал рассказывать, как, безуспешно обегав все магазины Харькова, он чудом, только благодаря своему незаурядному дипломатическому искусству, достал эти лимоны у заведующей одним из лучших ресторанов города.

– ...Понимаете, захожу туда и что же вижу? Между столиками прохаживается наша колонистка Клава в белом фартучке. Помните, в прошлом году Антон Семёнович направил её на работу в пищевой комбинат?.. Я к ней: «Клабочка, выручай!» А она – счастлива хоть что-нибудь для колонии сделать – потащила меня к заведующей. Ну, тут я мобилизовался – не устояла заведующая. И вот – лимончики... Я ей на прощание руку поцеловал, по-солидному, и пригласил к нам в Куряж посмотреть колонию...

– А Денис где? – спросила Елизавета Фёдоровна.

– Не знаю, мы разошлись с ним, – ответил Жора. – Ну, он-то вернётся с пустыми руками! Не та голова!

Весело подмигнув улыбающейся Тасе, Жора с геройским видом вышел из кухни.

Когда после сигнала ко сну дежурный воспитатель обходил спальни, кровать Дениса Горгуля оказалась пустой. Но Антон Семёнович встретил это сообщение спокойно: он хорошо знал настойчивость Дениса и понимал, что Горгуль не вернётся, пока не выполнит поручения.

Запылённый, усталый, еле передвигая ноги, Денис утром вошёл в кабинет Антона Семёновича, когда там находились уже не на шутку взволнованная Елизавета Фёдоровна, Жора и другие ребята. Денис молча поставил на стол маленькую плетёную корзинку.

– Лимоны? – спросил Антон Семёнович.

– Лимоны не лимоны, а почти лимоны... Посмотрите сами, – тихо ответил Горгуль.

Елизавета Фёдоровна быстро распаковала корзинку и вынула оттуда два прекрасных желтоватых плода.

Денис рассказал, как он добыл эти «почти лимоны».

От одного харьковского садовника он узнал, что где-то возле станции Казачья Лопань, в каком-то совхозе, работает старик-селекционер, который успешно выращивает у себя в теплице лимоны. Денис немедленно отправился на вокзал и сел в дачный поезд. Но в Казачьей Лопани оказалось несколько совхозов, и только к одиннадцати часам вечера поиски Дениса увенчались успехом. Он нашёл старика-селекционера в десяти километрах от станции, в каком-то безымённом посёлке. Долго не мог его добудиться, а когда садовник пришёл наконец в себя, Денис узнал, что у того есть сейчас всего три плода гибрида лимона, которые он хранит специально для выставки.

Обычно молчаливый, Горгуль на этот раз был так красноречив, что садовник довольно быстро согласился уступить парочку своих гибридов для Горького, если, конечно, директор совхоза даст на это разрешение. Пришлось Денису будить и директора. Тот потребовал от ночного гостя документы. И тут выяснилось, что в спешке Горгуль не только не захватил отношения из колонии, но даже забыл взять с собой удостоверение колониста. Лицо Дениса выразило при этом такое безысходное отчаяние и горе, что директор совхоза махнул рукой: «Ладно, берите экспонаты под расписку, денег не надо, пусть это будет наш подарок Алексею Максимовичу!» Садовник тщательно упаковал плоды – результат своей многолетней опытной работы – и попросил только обязательно сообщить ему мнение Горького об их вкусе... Не теряя ни минуты времени, Денис сразу же отправился на станцию и вернулся в Харьков первым утренним поездом.

Жора хотел было посмеяться над «почти лимонами» Дениса, но строгий взгляд Антона Семёновича заставил Новикова прикусить язык. Антон Семёнович поблагодарил Горгуля и приказал ему сейчас же идти спать, а сам пошёл к Алексею Максимовичу, который, как сообщили ребята, уже встал и отправился на прогулку.

Алексей Максимович захотел посмотреть наши поля.

Мы как раз закончили подготовку трактора с двумя сенокосилками к выезду в поле для косьбы смеси вико-овса.

Старший тракторист Беленький сел за руль. Алексей Максимович устроился на крыле трактора и предложил Антону Семёновичу занять другое крыло. Я встал сзади, на прицепной серьге, и мы тронулись в путь.

Алексей Максимович с живейшим любопытством оглядывал наши уголья.

Ещё издали, только завидя Алексея Максимовича, ребята из сводных отрядов, работавших на полях, сложив рупором ладони, начинали во всю мочь звать его к себе. Растроганно улыбаясь, он им приветливо кивал головой, держась обеими руками за крыло трактора.

– Замечательно у вас тут! – перекрывая шум мотора, громко говорил Алексей Максимович, обращаясь к Макаренко. – Я помолодел среди ребят. Как дружно работают, как дружно веселятся! Новая, именно новая жизнь, по-настоящему советская, бьёт у вас полным ключом...

Мы подъехали к участку, который надо было скосить. Антон Семёнович спрыгнул на землю, а Горький решил следить за работой, оставаясь на крыле... Ребята, сидевшие на косилках, быстро перевели их в рабочее положение, включили режущие аппараты.

Алексей Максимович, наблюдая за механизированной косьбой, восторженно говорил о мощи человеческой мысли, создавшей такую простую и умную технику, расспрашивал, за какой срок можно научиться управлять трактором, как часты поломки машин, какова их производительность, вспоминал свои ранние годы и сравнивал тяжёлый ручной труд крестьян в старой России с высокопроизводительным трудом в советском механизированном сельском хозяйстве...

Заметив колонистов, вручную обкашивавших углы загона, Алексей Максимович попросил Беленького остановиться, соскочил с крыла, взял косу и присоединился к работающим ребятам. Косил он умело и удивительно легко, казалось, без всякого напряжения.

– Как, Антон Семёнович, примете меня в колонисты, – шутливо спрашивал он, взмахивая косой.– Боюсь только, что на совете командиров будете драть меня за всякие провинности, не простите ни одного огреха...

Потом, отирая пот с лица, продолжал:

– И хорошо сделаете, что не простите! Новую жизнь на огрехах не построишь... Наверное, нелегко было вам всё так отлично организовать и устроить! Дурное наследье в душах ребят, как и старый уклад в самой жизни, живуче, его не выкорчуеть сразу до основания. А надо! Ну, а как ваши коллеги по педагогике, о которых вы писали мне в последнем письме, всё ещё не поддерживают ваших начинаний? А кое-кто, наверное, ведь и мешает, а?

Горький бросил пристальный взгляд на Антона Семёновича.

– Я ведь встречал противников вашего опыта. Но со мной они боялись откровенничать и спорить не решались...

Я понял, что Антон Семёнович до сих пор ещё не рассказал Горькому о том, что произошло, о своём предстоящем уходе из колонии, и подумал, что он заговорит об этом сейчас в ответ на прямой вопрос Алексея Максимовича. Но Антон Семёнович спокойно сказал:

– Конечно, нелегко нам было. Особенно в первые годы... Об этом можно целую книгу написать. А что касается противников, Алексей Максимович, то это правда, мешают они, и бороться с ними, пожалуй, потруднее, чем со старым наследьем в душах ребят. Чинуши, начётчики от педагогики, они тебя и цитатами и решениями засыплют. И складно у них получается, да только на словах, на бумаге, а на деле... Впрочем, до дела они не доходят, пуще всего боятся они этого самого дела, – улыбнулся Антон Семёнович.– Долгой ещё будет борьба с ними, Алексей Максимович, и нелёгкой. Ну, да ничего, справимся...

Ясно стало, что Макаренко намеренно не хочет рассказывать Алексею Максимовичу о своих бедах, не хочет огорчать и заставлять волноваться Горького в эти радостные часы его встречи с теми, кто гордо называл себя горьковцами.

Обратно мы шли извилистой тропинкой, что бежала вдоль пологого склона широкой долины, которую пересекали Южная и Северо-Донецкая железные дороги. Захватывающе прекрасный вид открывался перед нами: до самого горизонта – сады, сады, ярко-зелёные поля и луга на одном склоне густо заселённой долины и темнеющие леса – на другом.

– Как легко здесь дышится!.. Мне этот вид напоминает что-то знакомое, а что, вспомнить не могу... – тихо, словно про себя, сказал Алексей Максимович.

Некоторое время он шёл молча, потом стал рассказывать о своей жизни за границей, о том, как в самых различных слоях европейского общества пробуждается желание узнать правду о советских людях, а также о том огромном впечатлении, которое производит на частных людей всех стран революционное новаторство советского человека во всех областях жизни.

– И ваш педагогический эксперимент с его блестящими результатами имеет, уверяю вас, мировое значение... – говорил он Антону Семёновичу. – Вы должны, обязаны, сделать его достоянием прогрессивных педагогов всех стран. И чем скорее, тем лучше...

Взволнованный этими словами Горького, Антон Семёнович стал доказывать, что им сделано ещё очень мало в научной разработке новых проблем советской педагогики, но Алексей Максимович, посмеиваясь, отвечал ему;

– Не скромничайте, Антон Семёнович, не нужно, надо знать истинную цену своей работе!

Когда стали уже ясно видны стены Куряжского монастыря, Алексей Максимович вдруг приостановился.

– Здесь был, кажется, довольно большой лес... – снова силясь вспомнить что-то, задумчиво сказал он.

Я заметил, что ещё сравнительно недавно почти все наши поля были под лесом, что прежде леса окружали и монастырь, – издали видна была только его колокольня...

Алексей Максимович оживился.

– Теперь вспомнил! – воскликнул он. – Я был здесь! Правда, очень давно. Прослышав, что архимандрит Куряжского монастыря известен своей учёностью и праведной жизнью, я по дороге из Полтавы зашёл в эту обитель и был принят архимандритом. Однако беседа окончилась для меня не совсем удачно. Выяснив, что я сильнее его в вопросах философского понимания жизни, он вызвал служку и сказал: «Вывести сего еретика и богохульника за ограду монастыря и больше в оный не пускать!»

...В тот же день Алексей Максимович присутствовал при передаче представителю одного донбасского оборонного завода очередного вагона продукции, изготовленной по специальному заказу нашей механической деревообделочной мастерской.

Чтобы отметить успешную работу колонистов, в короткий срок освоивших довольно сложные станки, заранее было решено сдать выполненный заказ в торжественной обстановке, приурочив это событие к приезду Алексея Максимовича.

В назначенный час конный обоз с нашими изделиями, украшенный зеленью и разноцветными лентами, стоял в ожидании сигнала к параду. Духовой оркестр грянул марш, когда перед строем колонистов появились Алексей Максимович и Антон Семёнович. Представитель завода, приняв продукцию, обратился с приветственным словом к Горькому и отметил, что колония, носящая его имя, образцово выполняет свои обязательства по договору. Однако, когда в оплату счёта колонии, предъявленного и подписанного самим Горьким, он торжественно передал нам вексель, Алексей Максимович, под одобрительные возгласы ребят, совсем не торжественно сказал:

– Так не поступают, товарищи с завода! За наш товар вы деньги давайте. Зачем нам ваш вексель?..

Алексей Максимович, а вслед за ним и Антон Семёнович поздравили ребят с большой трудовой победой. Потом выступил Стебловский, командир отряда, работавшего в столярной мастерской. Он рассказал, как его отряд осваивал станки, сколько вначале было брака, сколько трудностей пришлось преодолеть, прежде чем ребята добились успеха, а в заключение он дал Алексею Максимовичу слово работать всегда только по-горьковски – с отличными показателями!

На следующий день Горький уезжал. Вечером мы устроили товарищеский прощальный ужин. Алексей Максимович веселился и шутил, и чувствовалось, что ему с нами действительно хорошо.

В комнате стоял хохот, когда Антон Семёнович со свойственным ему мастерством, с уморительными подробностями рассказывал о похождениях Жоры Новикова и Дениса Горгуля, героев лимонной эпопеи, ещё не известной Алексею Максимовичу. Сам рассказчик не мог удержаться от смеха и должен был придерживать рукой пенсне, чтобы оно не упало, когда он показывал, как Денис без документов стоял перед заспанным директором совхоза и слёзно умолял его отдать гибриды. Алексей Максимович смеялся неудержимо.

– Ну как я мог предполагать, что из-за меня не выпится такой почтенный человек! – говорил он, продолжая смеяться. – Покажите мне этих героев!

Алексей Максимович долго тряс руки Денису и Жоре и от души благодарил их за трогательную заботу. А потом повернулся к Антону Семёновичу.

– Вы, вы просто исключительный человек! Вы воспитали замечательных ребят. Ведь для них нет ничего невозможного!

Алексей Максимович попросил Дениса написать садовнику-селекционеру из Казачьей Лопани, что его гибрид очень вкусен и почти ничем не уступает настоящим лимонам, попросил он поблагодарить и директора за внимание.

Веселье продолжалось, но Антону Семёновичу временами становилось грустно. Сидя рядом с ним, я в одну из таких минут наклонился к его уху:

– Разрешите всё-таки рассказать Алексею Максимовичу всю правду... Ведь он так и не знает, что вы завтра уходите из колонии. Не знает, что вы сейчас переживаете... Этого хочу не я один, но все старые работники колонии, которые просили меня раскрыть глаза Алексею Максимовичу на печальные события, происходящие у нас.

Антон Семёнович покачал головой и так же тихо ответил:

– Ни в коем случае! Посмотрите, как весело настроен Алексей Максимович... Я не позволю омрачать его пребывание в Куряже участием в каких-то там склоках и дрызгах! Слышите?

Мог ли я согласиться с Антоном Семёновичем? Речь шла о том, что было слишком дорогим для всех нас: о колонии, с которой мы сроднились, интересами которой жили, и о человеке, создавшем эту колонию. Антон Семёнович, по-видимому, заметил, что его слова не убедили меня и я жду только удобной минуты, чтобы заговорить с Алексеем Максимовичем. Он крепко сжал мою руку и строгим голосом проговорил:

– Ни одного слова Алексею Максимовичу! Это – моё приказание. Я ещё заведующий колонией... – и, немного помолчав, добавил более спокойно: – Спасибо всем, кто вас об этом просил, спасибо за заботу. Я не сдаюсь и буду бороться дальше...

Вечер кончился поздно. Проводив Алексея Максимовича в его спальню, Антон Семёнович, хотя и была уже ночь, зашёл в свой кабинет. Он не мог не чувствовать, что мы, его старые друзья и соратники, соберёмся там, чтобы с ним проститься. Ведь утром уже трудно будет всем сойтись вместе...

Никаких слов говорить не нужно было. Антон Семёнович молча обнял каждого из нас, молча пожал нам руки, и мы разошлись глубоко удручённые, с бесконечной тяжестью на душе.

На следующий день, 10 июля, мы провожали Алексея Максимовича, уезжавшего отдыхать на Кавказ. В качестве его гостей с ним отправлялись на юг трое наших колонистов: Калабалин, Шершнев, Архангельский. Поезд отошёл, но и ребята, и Антон Семёнович, и многочисленные провожающие Горького харьковчане продолжали посылать прощальные приветы Алексею Максимовичу, высунувшемуся из окна вагона и приветливо махавшему нам своей белой фуражкой. Но скоро поезд скрыли другие составы, вытянувшиеся вдоль станционных путей.

Антон Семёнович долго ещё стоял на перроне вокзала, глядя вслед ушедшему поезду. Душевный подъём, вызванный приездом Горького, кончился, осталась тяжесть прощания с колонией, в которую – он хорошо знал это – ему больше никогда не вернуться...

Горьковцы возвращались дачным поездом в Куряж. Попрощавшись с ними, Антон Семёнович вышел из вокзала и направился в детскую коммуну имени Ф. Э. Дзержинского, заведующим которой он уже был назначен приказом по Госполитуправлению.

Так закончилась работа Антона Семёновича Макаренко в колонии имени Горького. Мне посчастливилось на протяжении почти пяти лет трудиться с ним бок о бок, под его руководством. За эти годы много было пережито, передумано, сделано. Каждый из нас, работников колонии, вносил свою лепту в общее дело. Как же относился Антон Семёнович к нам, своим помощникам?

Мне вспоминается, как ещё в Трибах, в первые дни нашей совместной работы, Антон Семёнович знакомил меня с Елизаветой Фёдоровной Григорович – своей бессменной заместительницей по учебной части. Он назвал тогда Елизавету Фёдоровну главным судьёй во всех колонийских делах.

– Берегитесь в чём-нибудь проштрафиться! – добавил он. – Но в то же время помните, что никто не даст вам лучшего совета, чем Елизавета Фёдоровна, и никто не окажет вам более надёжной помощи, чем она...

В этой характеристике сказалась и чрезвычайная скромность самого Антона Семёновича и его умение глубоко ценить самоотверженный труд и душевные качества тех, кто с ним работал.

Как радовался он инициативе воспитателей, их жизнелюбию, умению сработаться с ребятами! Мне никогда не случалось слышать, чтобы Антон Семёнович кого-нибудь из них специально учил, как надо вести себя с колонистами. Случаи, когда тот или иной воспитатель не находил правильного тона во взаимоотношениях с ребятами или педагогическим персоналом, бывали очень редки. И это легко объяснимо. Научно обоснованная система воспитания в колонии была такой последовательной и чёткой, что новый работник быстро проникался её требованиями и сразу находил верную линию своего собственного поведения. Любые отклонения от этих требований тотчас же, по контрасту, начинали всем бросаться в глаза – и другим воспитателям, и служащим, и самим колонистам. Конечно, новичку не очень приятно было со всех сторон выслушивать критические замечания, особенно от колонистов, но редко

кто не понимал, что лучше признать свою ошибку и исправить её, чем усугублять. Это тоже было одним из требований системы.

Прوماхи воспитателей Антон Семёнович никогда не оставлял без внимания, но дело, как правило, ограничивалось обсуждением совершённой ошибки. Однако за серьёзные проступки могло последовать даже увольнение. Антон Семёнович не простил бы ни одному человеку применения силы по отношению к ребятам, рукоприкладства. Только наш старый конюх Силантий позволял себе иногда «дать шлепка» колонисту... Приведёт кто-нибудь из ребят после работы вспотевшую лошадь, тут Силантий и набросится: «Ах ты, такой-сякой, и скажи на милость, коня загнал!» И после этого обычно следовало «внушение» по соответствующему месту. Когда Силантию делали за это замечание, он с искренним изумлением оправдывался: «И скажи на милость, да разве я его ударил. Только муху со штанов согнал!» Ребята на Силантия никогда не жаловались, а работник он был хороший и человек честный, прямодушный, поэтому Антон Семёнович мирился с его незлобивой стариковской привычкой.

Увольнение могло последовать немедленно, если кто-нибудь появлялся среди колонистов в нетрезвом виде. Только нашему глухому технику-строителю, пожилому человеку, Антон Семёнович прощал эту слабость. Тот и сам сознавал, что поступает нехорошо, и, подвыпив, старался не показываться на глаза ребятам. Техник-строитель был очень предан колонии и всегда горячо защищал её интересы, любил ребят, и они отвечали ему тем же.

АНТОН СЕМЁНОВИЧ О СЕБЕ

О жизни Макаренко ещё мало написано, и я думаю, что читателю будет небезынтересно узнать, хотя бы в общих чертах, его биографию, изложенную по собственным рассказам Антона Семёновича и воспоминаниям его матери.

Родился Тося – так звали Антона Семёновича близкие – 1\13 марта 1888 года в Белополье, маленьком городке, Сумского уезда Харьковской губернии. Отец его, Семён Григорьевич, работал старшим маляром железнодорожных мастерских, мать занималась домашним хозяйством и ухаживала за огородом при домике, где они жили. Родители не были старожилами Белополья – они переехали туда в 1881 году из Крюкова Посада на Днестре.

По словам Антона Семёновича, его отец был высоким, худым, очень суровым человеком, уделом которого всю жизнь оставался тяжёлый, непрерывный труд. Он обладал незаурядными способностями, но не смог получить никакого образования. Его пытливый ум искал ответов на многие вопросы, но получить их можно было только в книгах. И служебное его положение, сперва в качестве старшего маляра, потом мастера малярного цеха, в свою очередь, требовало грамотности. И вот в возрасте тридцати лет Семён Григорьевич Макаренко засел за букварь. Занимаясь по вечерам, часто до глубокой ночи, он научился бегло читать, стал выписывать журнал «Нива» со всеми приложениями и прочитывал эти издания от корки до корки.

Дети близких соседей, таких же бедняков, все были старше Тоси, и, когда ему исполнилось только пять лет, они уже работали «мальчиками» в различных небольших кустарных мастерских – сапожных, жестяных, бондарных. Только один соседский мальчик учился в

школе. Дружба с ним для пятилетнего Тоси имела очень большое значение. Он первый показал ему буквы и научил их складывать. И серьёзный, настойчивый Тося к концу пятого года своей жизни уже научился самостоятельно читать. Отец, хорошо помнивший, с каким трудом далась грамота ему самому, видел выдающиеся способности сына и вместе с матерью поддерживал в нём желание учиться. Когда Семёну Григорьевичу приходилось по делам службы ездить в Сумы, расположенные от Белополья в пятидесяти километрах, он обязательно привозил Тосе какую-нибудь книгу и всякий раз, вручая её, говорил, что пусть он учится и за него и за себя, и требовал самого аккуратного обращения с драгоценным подарком. Но этого можно было бы и не говорить мальчику: своих лучших друзей – книги – Тося берёт пуще зеницы ока...

Впрочем, однажды с ним произошёл случай, который Антон Семёнович не мог вспоминать без волнения. В день Пасхи в праздничном костюмчике и с любимой книгой в руках он пошёл на реку смотреть ледоход. День был тёплый, ясный. Большой лёд уже прошёл, и только иногда проплывали мимо отдельные льдины. Заметив привязанную лодку, Тося по мосткам забрался в неё и, усевшись на задней скамейке, погрузился в чтение, забыв обо всём на свете. И вдруг от удара налетевшей льдины лодку сильно закачало. Чтобы не упасть в реку, Тося непроизвольно схватился за борта лодки, выпустив книгу из рук. На глазах мальчика она упала в воду, немного проплыла и пошла ко дну. Весь в слезах Тося побежал домой. Отец, выслушав его, нахмурился, но сдержал себя и произнёс только одно слово: «Паныч!» Рассказывая об этом через тридцать с лишним лет, Антон Семёнович краснел, будто обида и стыд жгли его до сих пор.

– Лучше бы отец тогда побил меня, чем так оскорбить! – говорил он. – Отец никогда ни перед кем не гнул спину, не лебезил, не подхалимничал и с презрением относился ко всяким чинушам, купцам, приказчикам, попам, обманывавшим простой люд. Праздных детей, тунеядцев, он именовал панычами, вкладывая в это слово всё своё к ним презрение. И вот он назвал меня именем, которое сам же научил презирать... Можете себе представить, как глубока была моя обида!

Материальные затруднения не раз приводили Семёна Григорьевича к мысли научить Тосю какому-нибудь ремеслу, и прежде всего тому, какому он сам был обучен, – малярному. Иногда он брал с собой Тосю в качестве подручного. Мальчик выполнял всё, что поручал ему делать отец, не проявляя, однако, никакого желания изучать малярное дело. Едва кончалась работа, как Тося сразу же принимался за чтение... Отец и мать не раз говорили между собой о дальнейшей судьбе сына и наконец пришли к твёрдому решению попытаться дать мальчику настоящее образование. Пример старшей дочери, не учившейся в школе и тяжело это переживавшей, был для родителей постоянным укором.

Когда наступил срок, Тосю отдали в местную начальную школу. В течение всего времени, что он там учился, маленький Макаренко неизменно оставался первым учеником... Семёну Григорьевичу приходилось нередко выезжать на соседние станции. Если поездка совпала с каникулами, отец брал Тосю с собой. Об этих-то частых путешествиях с отцом по линии Антон Семёнович и вспоминал не раз.

В 1901 году железнодорожные мастерские из Белополя были переведены в Крюков Посад, на родину Татьяны Михайловны. Крюков в те годы был небольшим рабочим посёлком, но неподалёку находился Кременчуг, довольно большой торговый город с несколькими учебными заведениями. Для Тоси, уже заканчивавшего начальную школу, с переездом в Крюков открывалась возможность продолжать образование. Кроме того заработок Семёна Григорьевича в Крюкове обещал быть выше, чем в Белополе.

Семён Григорьевич переехал на новое место работы один, а через некоторое время, когда Тося уже закончил начальную школу, перевёз и семью. Тося сразу же был определён в Кременчугское четырёхклассное городское училище, в котором учились дети мелких служащих, мещан и рабочих.

Учился Тося хорошо, и у него по-прежнему не было других отметок, кроме пятёрок. Семён Григорьевич гордился успехами сына, но не баловал его похвалами, только изредка, бывало, скажет Тосе: «Ну, покажи им там, как может учиться сын рабочего!»

В Крюкове, расположенном на открытом песчаном берегу Днепра, в те времена было мало зелени. Сильный ветер постоянно вздымал тучи пыли и разносил окрест паровозную копоть. Тосе, привыкшему с детства к лесной прохладе, чистому воздуху, сочной и яркой природе лесостепной полосы, было тяжело на новом месте. Только Днепр рассеивал грустные мысли мальчика, тосковавшего по родным местам. Катание с товарищами на лодке по великой реке было самым большим его наслаждением в те годы.

Настойчивость и упорство в достижении цели отличали его с самого детства. Антон Семёнович обладал замечательно чётким почерком, хорошо памятным всем, кто вёл с ним переписку. Ещё будучи учеником городского училища, он заставил себя научиться каллиграфическому письму, – эта маленькая история любопытна как пример волевой настойчивости ребёнка.

В Крюкове Семёну Григорьевичу пришлось в качестве цехового мастера составлять отчёты о работе цеха. Писал он плохо и однажды поручил сыну переписать отчёт. Тося переписал, отец посмотрел и нахмурился:

– Это что, ворона лапой тут водила? Чему вас там учат, в училище?

Больше разговоров на эту тему не было. Прошло некоторое время. Семён Григорьевич поручил сыну переписать новый отчёт. Тося сел за работу и вскоре подал отцу бумаги, переписанные с каллиграфической чёткостью. На лице Семёна Григорьевича появилась довольная улыбка. Но он не знал, какого труда стоило мальчику переменить свой почерк...

Последний год учёбы в городском училище оказался для Тоси очень тяжёлым. У него развилась сильная близорукость, и он начал носить очки... А потом глаза заболели, и врач на месяц запретил ему читать. Для Тоси, которого без книги никто не видел, это было тяжелее самого мучительного наказания. Товарищи по училищу приходили к нему, читали вслух заданное на дом, он мысленно сейчас же повторял услышанное. Когда после месячного перерыва Тося пришёл в класс, учителя поразились его блестящим ответам и не поверили, что в течение месяца он не читал учебников.

Вскоре тяжело заболел Семён Григорьевич. Тося решил бросить школу и поступить на работу, но Татьяна Михайловна твёрдо заявила:

– Пока я жива и могу сама подрабатывать, я не разрешу тебе это сделать!

В 1904 году Тося отлично окончил полный курс четырёхклассного городского училища и, как это полагалось во всякой патриархальной семье, спросил отца, что ему делать дальше. Отец, давно обдумавший ответ на этот вопрос, сказал:

– Пойдёшь учиться дальше – на учителя.

Воля отца совпала с желанием сына. Тося часто мысленно представлял себя в роли своего любимого учителя – преподавателя русского языка и литературы Григория Петровича Каминского, человека передовых взглядов, глубоко понимавшего русскую литературу и умевшего передать любовь к ней своим ученикам.

Шестнадцатилетний Антон Макаренко поступил на годичные курсы при городском училище. Эти курсы готовили учителей начальных школ. Литературу здесь преподавал тот же Г. П. Каминский. Антон Макаренко был его любимым учеником, в котором он прозревал педагогический и литературный талант. Учитель и ученик встречались не только на курсах, но и дома. Эти встречи не прошли даром для Антона Семёновича. Он прекрасно изучил русскую классику и мог читать наизусть целые страницы прозы – Гоголя, Тургенева, Чехова, Короленко...

В ту пору юный Макаренко начал знакомиться и с произведениями М. Горького, оказавшими на него огромное влияние и во многом определившими весь его дальнейший духовный и политический рост.

В 1905 году окончивший курсы молодой учитель был зачислен преподавателем в Крюковское двухклассное железнодорожное начальное училище.

Получить высшее образование Антону Семёновичу удалось позже. В те годы материальное положение семьи не позволяло этого сделать. Хотя отец, поправившись, и начал вновь работать, но чувствовал себя слабым, ходил, опираясь на палку. Ещё до своей болезни Семён Григорьевич залез в долги.

Татьяна Михайловна рассказывала один любопытный эпизод, относящийся к тому времени...

Местные торговцы, поставлявшие материалы в мастерскую, где работал Семён Григорьевич, знали о его неподкупности и не рисковали соблазнять старого мастера на какие-либо сделки, когда он принимал от них материалы. Но стоило им проведать, что положение семьи Макаренко ухудшилось, как один из них решил, что теперь-то уже удастся подкупить Семёна Григорьевича, чтобы он стал не слишком придирчивым. Зайдя вечером на квартиру Макаренко, торговец без обиняков предложил ему взятку. Возмущённый Семён Григорьевич начал колотить торговца палкой. Тот выскочил во двор, но Семён Григорьевич бросился за ним и продолжал бить его до самых ворот.

Всё это произошло на глазах Татьяны Михайловны. Она рассказывала мне, что, когда домой пришёл Антон Семёнович и узнал обо всём происшедшем, он с жаром воскликнул:

– Жаль, что меня дома не было, а то бы я ему порядком добавил! На всю жизнь запомнил бы, что рабочий класс не продаётся!

Шесть лет Антон Семёнович проработал учителем в Крюкове – с 1905 по 1911 год. В революционную пору 1905 года семнадцатилетний юноша вместе с забастовавшими рабочи-

ми Крюковских железнодорожных мастерских участвовал в митингах, на которых простой люд демонстрировал свою волю к борьбе с самодержавием. Он открыто возмущался действиями жандармов и казаков, плетью разгонявших бастующих рабочих, и, по-видимому, только молодость спасла его от преследований полицейских шпииков. Он был одним из активнейших делегатов Люботинского съезда учителей. Участие в революции 1905 года привело Антона Семёновича к близкому общению с передовыми слоями рабочего класса и возбудило в нём глубокий интерес к изучению марксистской литературы.

Антон Семёнович был источником постоянного беспокойства для своего начальства. Неподкупный и безупречный, как его отец, он в 1911 году с негодованием уличил нового заведующего училищем во взятках. Судебное разбирательство подтвердило обвинение, но опасного молодого учителя по распоряжению инспектора народных школ Херсонской губернии перевели подальше, с глаз долой, в двухклассную школу при станции Долинская.

Там Антон Семёнович работал не только педагогом, но и надзирателем в общежитии учеников, родители которых жили на линии. Столкнувшись с вопросами организации большого детского коллектива, он понял, что и общая и специальная его подготовка для решения сложных педагогических проблем совершенно недостаточна. Тогда же послал он М. Горькому свой первый рассказ «Глупый день», и Алексей Максимович отозвался о нём отрицательно. Этот суровый ответ любимого писателя лишней раз убедил молодого Макаренко в необходимости продолжать серьёзную работу над собой.

В 1914 году Антон Семёнович поступил в Полтавский учительский институт, выпускавший преподавателей высших начальных школ. Нелегко было двадцатилетнему Макаренко после девяти лет перерыва в учёбе самостоятельно подготовиться к строгим вступительным испытаниям. Но он сумел блестяще сдать все экзамены и сел за студенческую скамью.

В 1916 году, в возрасте шестидесяти шести лет, умер его отец, и Антон Семёнович должен был не только учиться, но и работать, чтобы помочь матери, оставшейся в Крюкове.

В конце того же года, в разгар первой мировой войны, его призвали в царскую армию, однако он пробыл в ней недолго – в марте 1917 года его сняли с военного учёта по состоянию здоровья: чрезмерная близорукость.

Антон Семёнович вернулся к учёбе – теперь нужно было нагнать упущенное. Как всегда, упорство и настойчивость принесли свои результаты: 15 июня 1917 года он блестяще, с золотой медалью, окончил курс.

В характеристике, выданной ему Полтавским учительским институтом, записано: «Макаренко Антоний – выдающийся воспитанник по своим способностям, знаниям, развитию и трудолюбию; особый интерес проявил к педагогике и гуманитарным наукам...»

Осенью, когда власть на Украине перешла в руки контрреволюционной Украинской Рады, Антон Семёнович, но желая подчиняться буржуазно-националистической политике врагов украинского народа, отказывается от назначения на работу и подаёт заявление директору института с требованием разрешить ему поступить в Московский университет. Отрицательный ответ директора всё-таки не мог заставить Антона Семёновича принять ненавистное ему назначение, и он уехал в Крюков к матери.

Изгнание Рады и установление на Украине власти Советов определили направление и характер дальнейшей деятельности Антона Семёновича. Он отдаёт всего себя делу народного образования – делу коммунистического воспитания молодого поколения. Антон Семёнович работает в качестве инспектора и члена коллегии Крюковского наробраза, затем назначается заведующим 2-м начальным городским училищем в Полтаве и, наконец, 3 сентября 1920 года становится во главе детской колонии, организованной в Трибах... Здесь тридцатидвухлетний Антон Семёнович Макаренко и начал свою замечательную новаторскую творческую деятельность, в которой с таким блеском раскрылись его выдающиеся дарования педагога.

НОВЫЕ ВСТРЕЧИ. «ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОЭМА»

Старые работники колонии один за другим начали покидать Куряж. Зернотрест предложил мне участвовать в научной экспедиции по изучению опыта работы первых крупных механизированных зерносовхозов. Я дал согласие и в начале 1929 года тоже простился с колонией.

Перед отъездом с экспедицией в Донские степи я заехал к Антону Семёновичу в детскую коммуну имени Ф. Э Дзержинского.

Встреча с Антоном Семёновичем, с ребятами и воспитателями, большинство которых перешло сюда из колонии имени М. Горького, была на редкость радостной и тёплой. Антон Семёнович водил меня по коммуне, как экскурсанта. Когда осмотр подошёл к концу, я невольно сказал:

– Да ведь вам же здесь делать нечего! Всё настолько чётко и хорошо организовано, что если вы явитесь на один час утром и на два часа вечером, то этого будет достаточно, чтобы обеспечить нормальную жизнь колонии.

Антон Семёнович рассмеялся и ответил, что моё замечание вполне справедливо, но что он вовсе не собирается отдыхать в свободное время, а намерен серьёзно заняться литературной работой, обобщающей все этапы жизни колонии имени М. Горького, и что в связи с этим ему хотелось меня кое о чём расспросить. Мы стали воскрешать в памяти эпизоды колонийской жизни, участником или свидетелем которых я был. И так увлеклись беседой, что проговорили до самого вечера.

Антон Семёнович уже составил план будущей «Педагогической поэмы», а некоторые главы и написал.

Потом заговорили о моей предстоящей работе в экспедиции, об огромном размахе революционных преобразований в сельском хозяйстве всей страны, о сталинском докладе на XV съезде партии в 1927 году и о решениях съезда по развёртыванию коллективизации и укреплению колхозов и совхозов... Вспоминали былое положение колонии в самой гуще кулацких хозяйств и нашу упорную, непрерывную борьбу с кулачеством. Антон Семёнович с жаром говорил, что ныне ни один честный советский человек не может не принимать участия в небывалой перестройке всей жизни советской деревни. Он говорил, что жаждет найти и для себя форму живого и действенного участия в грандиозных процессах, какими был отмечен тот год – «год великого перелома».

– Как бы мне самому хотелось окунуться в вашу работу! Поехать в совхоз я, конечно, не могу. Но если вы не возражаете, я охотно помогу вам по возвращении литературно оформить всё, что вы делали, видели, слышали. Осветить в живом очерке опыт первых крупных механизированных совхозов будет крайне полезно для тысяч рядовых организаторов социалистического сельского хозяйства Украины. Давайте сделаем это?

Я с радостью согласился на предложение Антона Семёновича усердно собирать в экспедиции материалы для будущей очерковой книжки, о которой он говорил...

Весну, лето и осень я провёл в Донских степях, а в декабре 1929 года, возвратившись из экспедиции, снова встретился с Антоном Семёновичем в Харькове, на квартире Галины Стахивны Салько, ставшей его женой.

Выслушав мой рассказ об организации и первых успехах огромного учебно-опытного зерносовхоза, Антон Семёнович потребовал, чтобы я немедленно засел за предварительную обработку моих наблюдений и данных для задуманного очерка. Когда мы прощались, он, словно между прочим, сказал, что за минувшие полгода его работа над книгой о колонии продвинулась вперёд, и предложил встретиться на следующей неделе, если я хочу послушать то, что уже написано.

В назначенный день я пришёл к Галине Стахивне. Антон Семёнович сразу начал читать. Я никогда не забуду того впечатления, которое произвела на меня прочитанная им тогда первая глава «Педагогической поэмы». Рождалось крупнейшее художественное произведение, и не понимать этого было нельзя. Галина Стахивна, конечно, знала уже не только эту главу, но и всё, что успел написать к тому времени Антон Семёнович, из числа же его товарищей по работе мне посчастливилось быть, по-видимому, одним из первых, на чей суд он вынес свой литературный труд. Антон Семёнович потребовал от нас самой беспощадной критики и тщательно записывал все наши замечания.

Потом уж как-то само собой получилось, что по пятницам мы встречались у Галины Стахивны, и Антон Семёнович, рассказав сначала, какие из наших замечаний по предыдущему тексту он учёл, какие отклонил и почему, затем принимался читать следующие главы. Так я услышал целиком первую часть и некоторые главы второй части его замечательной книги. Мысль назвать её «Педагогической поэмой» была выношена Антоном Семёновичем уже давно, но он просил нас высказать своё мнение и о других возможных названиях. Мне запомнились некоторые из них: «Горьковцы», «Из жизни колонии имени М. Горького», «Педагогика в жизни», «Рождение советского гражданина»... Однако после долгих раздумий Антон Семёнович остановился на первоначальном названии – «Педагогическая поэма», – потому что оно наиболее полно отвечало основному замыслу книги – показать значение творческого труда советского педагога...

Так прошли незабываемые для меня январь – февраль 1930 года.

Когда я закончил предварительную обработку всех материалов, собранных в экспедиции, мы встретились, чтобы наметить план нашего будущего очерка. Он должен был отобразить труд советских трактористов, комбайнёров, агрономов, инженеров, успешно строящих новый огромный совхоз, взаимоотношения этого совхоза с окружающим крестьянством, его помощь молодым, ещё не окрепшим сельхозартелям. В нашем распоряжении был обильный

материал, позволявший показать всё это на фоне упадка и внутренних противоречий капиталистического способа ведения сельского хозяйства в Америке. Отложив на неделю работу над «Педагогической поэмой», Антон Семёнович засел за этот очерк.

Уже в следующую пятницу он читал его нам с Галиной Стахивной. Собранные мною наблюдения и данные были мастерски литературно обработаны Антоном Семёновичем, оживлены поэтичными описаниями степной природы и обогащены очень ценными сравнениями и глубокими замечаниями по экономическим и политическим вопросам.

На мою долю оставалось внести ряд технических поправок, и очерк можно было публиковать.

Так родилась в соавторстве со мною небольшая книга Антона Семёновича, названная им «На гигантском фронте». Это был первый печатный труд Макаренко, увидевший свет раньше «Педагогической поэмы».

Первая часть «Педагогической поэмы» и этот очерк были сданы в Государственное издательство Украины одновременно – весной 1930 года. Ответ издательства поразил нас своей неожиданностью: очерк «На гигантском фронте» оно одобрило без всяких возражений, а «Педагогическую поэму» отказывалось издать под предлогом её дискуссионности.

Мы много раз обсуждали этот трусливый ответ Украинского Госиздата, и стало ясно, что Антону Семёновичу необходимо ехать с книгой в Москву.

Договор на издание очерка был заключён на моё имя. Антон Семёнович решительно не хотел ставить свою фамилию на обложке брошюры.

– Я не намерен давать врагам педагога Макаренко повод обвинить его в «несерьёзности», «разбросанности», попытке делать выводы и обобщения в малознакомой ему области жизни, – сказал он.

Но и я не мог согласиться, чтобы очерк, целиком обязанный своими литературными достоинствами Антону Семёновичу, был издан без его имени. Наконец мы пришли к соглашению поставить на книжке только наши инициалы (Н. Ф. и А. М.). Издательство не возражало. Очерк появился в свет летом 1930 года на украинском языке.

Когда поздней осенью 1930 года я вернулся в Харьков из очередной экспедиции, Антон Семёнович стал готовиться к поездке в Москву для переговоров об издании «Педагогической поэмы». К этому времени он окончил уже и вторую часть книги. Мы решили отпраздновать завершение его многолетней работы, благо я получил наш общий гонорар за уже изданный очерк «На гигантском фронте». Встретились, как и раньше, у Галины Стахивны. За праздничным столом, естественно, больше всего говорили о «Педагогической поэме». Антон Семёнович рассказывал о том, что нового внёс он в книгу за минувшие месяцы, читал неизвестные мне куски из «Поэмы», показывал переделанные места. Изменения и дополнения сводились главным образом к художественной доработке текста.

Случилось так, что в Москву я попал раньше Антона Семёновича. Он приехал в феврале или марте 1931 года, когда я ещё не кончил своих служебных дел, и мне удалось увидеться с ним дважды: первый раз мы встретились в гостинице, в которой он остановился, и я узнал тогда, что рукопись уже сдана им в издательство. Второе наше свидание произошло в самом издательстве, в день, когда он должен был получить там ответ.

Антон Семёнович пришёл раньше условленного часа и поджидал меня на лестничной площадке. Вид его был необычен: он стоял с опущенной головой и плотно сжатыми губами...

Московское издательство попросило, чтобы Наркомпрос Украины дал свой отзыв о «Педагогической поэме». Было совершенно ясно, что те, кто признал педагогическую систему Макаренко «несоветской», никакой визы на издание его книги не дадут.

Мы молча вышли на улицу. Говорить не хотелось, и мы зашагали по зимней, сияющей Москве, только изредка перебрасываясь ничего не значащими словами; иногда я замечал, что одну и ту же вывеску или витрину вижу уже в третий или в четвёртый раз; долго продолжалось это наше бесцельное блуждание по городу...

С наступлением ранних зимних сумерек мы оказались на Неглинной. Внезапно загоревшиеся фонари привлекли наше внимание к вывеске ресторана. Усталые и продрогшие на морозе, мы невольно остановились и решили зайти согреться, перекусить и отдохнуть. Время было обеденное, посетителей много. Свободный столик оказался только в глубине большого зала.

Мы переговаривались в ожидании заказанного, когда вдруг раздался громкий женский возглас:

– Да ведь это он!

И я увидел, как между столиками по направлению к нам быстро пробирается молодая женщина, продолжая взволнованно говорить:

– Это он! Он!

За нею, с интересом глядя в нашу сторону, шёл военный. Мы замолчали, а молодая женщина уже оказалась возле нашего столика и бросилась обнимать Антона Семёновича. По его удивлённому и немного растерянному виду я понял, что он не узнаёт её.

– Да иди же скорее, Вася, ведь это Антон Семёнович, о котором я тебе столько раз говорила! – крикнула женщина своему спутнику и, повернувшись снова к Антону Семёновичу, сказала: – Вы меня не узнаете? Я – Раиса...

– Рая! – радостно воскликнул Антон Семёнович и, ласково глядя на молодую женщину, обменялся с нею крепким рукопожатием. – Ты очень изменилась, поэтому я тебя сразу и не узнал, – говорил он. – Ты, кажется, не одна? Садитесь вместе к нашему столику.

Как только было произнесено имя «Раиса», я тотчас вспомнил её тяжёлую историю, коротко рассказанную в «Педагогической поэме».

Взволнованная встречей с Антоном Семёновичем, она сидела перед нами со своим мужем.

За беседой незаметно проходило время. Антон Семёнович и Раиса вспоминали колонию, но, конечно, даже намёком не касались тёмных пятен прошлого Раи. Вспоминали весёлые случаи и радостные моменты колонийской жизни. Но когда Антон Семёнович к концу разговора спросил, откуда она сейчас едет, на глазах Раисы показались слёзы.

– Мы едем из одного пограничного района Средней Азии, где недавно потеряли нашего сына... – ответил за Раису её муж. – Рая считает вас своим спасителем, отцом, самым близким человеком. И я поделюсь с вами нашим горем...

Он рассказал, что в прошлом году его перевели с Украины в далёкий пограничный район. Сначала он уехал один, а через полгода к нему приехала Раиса с сыном. Район считали тихим, и жили они всё время спокойно. Но месяца полтора назад, как раз, когда он был в отъезде, на пограничный пост напал перешедший границу отряд басмачей. В перестрелке его заместитель и несколько бойцов были тяжело ранены. Раиса не испугалась и, чем только могла, помогала красноармейцам: делала перевязки, подносила воду, патроны, помогала устраивать укрытия. Когда басмачи бросились в атаку, Рая сама взяла винтовку в руки и вместе с оставшимися в живых красноармейцами отбивала натиск бандитов и защищала пост до подхода отряда, посланного к ним на помощь. Во время этого боя всё и случилось... Шальной пулей был убит их сын. И Рая получила несколько ранений, но, к счастью, не опасных; сейчас она уже совсем оправилась ран...

Антон Семёнович с напряжённым вниманием слушал это рассказ, и по взглядам, которые бросал он на Раису, прижимавшую к глазам платок, было видно, что всё происшедшее на далёкой пограничной заставе полно для него глубоко смысла и значения.

Муж Раисы напомнил ей, что надо спешить на поезд, вышли из ресторана вместе, чтобы проводить их. Когда садились в трамвай, Антон Семёнович на прощание крепко поцеловал свою бывшую воспитанницу.

Трамвай отошёл, и Антон Семёнович, сдерживая своё волнение, сказал:

– Проводите меня до гостиницы, поговорим... Встреча с Раисой вернула мне всю прежнюю бодрость и веру в себя. Ведь она не растерялась в минуту смертельной опасности, а смело взяла винтовку и защищала пограничный пост. В этом видна наша колониальная закалка! После сегодняшнего разговора в издательстве первой мыслью моей было бросить все дальнейшие хлопоты с «Педагогической поэмой». Я даже позволил себе усомниться: может быть, и сам я, и вы, и все те, кто поддерживает мои писательские начинания, ошиблись в ценности опыта колонии имени Горького и в необходимости широкого освещения его в печати? Но ещё там, на лестнице, когда ждал вас, я подумал о тех живых людях, которые пришли в колонию с толстыми «делами», а сейчас уже кончают рабфаки и вузы, и их новые «дела» тоже становятся день ото дня всё толще, но теперь уже вы найдёте в них иные материалы – рассказы о трудовых подвигах, об учебных успехах, о полезной общественной деятельности... И я понял, что замалчивать то, как происходило это превращение, нельзя! Всю дорогу я думал об этом. А встреча с Раисой окончательно отбросила мои минутные сомнения...

Как известно, первая часть «Педагогической поэмы» впервые была опубликована в 1933 году в третьей книге альманаха «Год XVII».

Она была напечатана по настоянию Алексея Максимовича Горького, считавшего «Педагогическую поэму» выдающимся художественным произведением большого идейного значения. Вторая и третья части впервые увидели свет тоже на страницах горьковского альманаха (1935 год).

В работе над «Педагогической поэмой», в подготовке рукописи этой книги к печати неоценимую помощь оказывала Антону Семёновичу его жена Галина Стахиевна. Всесторонне образованный человек, с большим политическим кругозором, богатым жизненным опытом и волевой настойчивостью, Галина Стахиевна умела вовремя поддержать Антона Семёнови-

ча, дать нужный совет, подвергнуть дружеской критике написанное им, помочь ему в преодолении трудностей, которые нередко возникали в его сложной писательской работе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1 апреля 1939 года Антона Семёновича не стало – он умер внезапно от тяжёлой болезни сердца.

Заканчивая воспоминания о нём, я невольно ещё раз мысленно пробегаю свой жизненный путь, начиная со времени первой встречи с этим замечательным человеком. Поступая юношей в сельскохозяйственный институт, я и не думал когда-нибудь стать педагогом.

Пафос педагогики увлёк меня, как и многих других, кого счастливая судьба столкнула с Антоном Семёновичем.

В 1930 году я начал по совместительству работать лектором и преподавателем в ряде харьковских вузов, а с 1934 года полностью перешёл на вузовскую учебную работу. Педагогическая закалка, полученная в колонии имени Горького, всегда помогала и помогает мне находить решения трудных задач, постоянно возникающих в педагогической практике.

В 1940 году среди моих студентов-дипломников одного из харьковских технических вузов был студент Котов. Кто мог бы узнать в этом подтянутом и дисциплинированном студенте того замухрышку, который в первые месяцы своего пребывания в колонии имени Горького частенько забывал умыться после работы в котельной нашей оранжереи!.. Руководя дипломным проектом Котова, я часто встречался с ним. Закончив беседу по техническим вопросам, мы всякий раз начинали вспоминать наше житьё в колонии. Вспоминали колонистов, воспитателей и «нашего Антона», с болью думая о том, что его уж нет в живых, что ни дела, ни случай, ни душевная потребность услышать его совет никогда больше не сведут нас с ним...

Котов часто сравнивал своё тяжёлое прошлое беспризорника со славным настоящим студента-дипломника инженерного вуза.

– В те двадцатые годы изъездил я всю страну, – рассказывал он, – под вагонами, на буферах... Не раз били меня торговки, когда я неудачно пытался стянуть у них пирог или какую-нибудь другую снедь. И потом с компанией друзей-беспризорников начал уже заниматься и взломами сараев, амбаров, клетей. Словом, путь у меня был один – в тюрьму... Пробрался я как-то глубокой осенью из Харькова в Николаев, и на станции Полтава-Южная железнодорожная охрана сняла меня, промокшего и иззябшего до последней степени, с буфера пассажирского вагона. Стрелок попался покладистый и по дороге к дежурному начал увещевать: «И чего и куда вы всё ездите? Ведь вот тут рядом советская власть для вас колонию устроила, кормит, поит, одевает, учит бесплатно, а вам, дуракам, хочется мокнуть да мёрзнуть, да нам беспокойство причинять...» Я только ждал удобной минуты, чтобы юркнуть куда-нибудь под вагон, но слова стрелка меня остановили, и я спросил его: а далеко ли до этой самой колонии и примут ли меня? «Выпишет тебе дежурный направление, тогда, конечно, примут», – сказал стрелок... Так я попал к Антону Семёновичу, а потом поступил на рабфак, а сейчас, как видите, уже институт заканчиваю. Иной раз прямо не верится, что через месяц

буду инженером! И всем этим я обязан советской власти, сделавшей из меня настоящего человека... – Котов встал из-за стола, взволнованно прошёлся по комнате.

Слова его шли из самой глубины души. Это говорил воспитанник Антона Семёновича Макаренко – я узнавал за словами Котова голос «нашего Антона», я думал о том, сколько таких питомцев колонии имени Горького рассеяно по необъятной нашей Родине!

Время идёт, и из моей памяти уже изгладились имена многих колонистов, но в душе навсегда сохранились образы таких горьковцев, как Калабалин, Шершневу, Супрун, братья Чевелий, Архангельский, Горгуль, Беленький, Белухин, Перцовский, Белковский, Мухины – брат и сестра, братья Котовы, Братченко, Галатенко, Тося Соловьёв, Волковы, Новиковы, Стебловский, Тупицын, Шнайдер, Дроздук, да и многих других ребят.

В годы Великой Отечественной войны горьковцы – солдаты и офицеры Советской Армии – героически боролись с фашистскими полчищами. Трусов, людей с расслабленной волей и жалкими нервами, среди них не было. Воспитанники Антона Семёновича Макаренко, они в своём детстве и юности получили настоящую идейную закалку на всю жизнь... С честью выполнял ответственные задания советский разведчик Калабалин, немало врагов и вражеской техники уничтожил танкист Супрун, на боевом посту погиб старший Чевелий, а младший – лётчик – был не раз тяжело ранен в боях; успешно боролся с гитлеровцами Павлуша Архангельский, в партизанской войне сложил свою голову Денис Горгуль. Жизнь и деяния каждого из них никогда не будут забыты...

Когда думаешь об Антоне Семёновиче, невольно сравниваешь его с другим гигантом в иной области человеческой деятельности – с Иваном Владимировичем Мичуриным.

Иван Владимирович вышел из недр народа и, неустанно трудясь в одном из уголков нашей Родины, разработал научные основы материалистической биологии, ниспровергнув идеалистическую псевдонауку Вейсмана, Моргана, Менделя, и наметил пути сознательной, плановой переделки природы человеком.

И Антон Семёнович вышел из недр народа и, неустанно трудясь в другом уголке нашей Родины, разработал научно обоснованные методы коммунистической педагогики и блестяще применил их на практике, отбросив, как хлам, путаные, лживые измышления педологов и им подобных поклонников буржуазной, идеалистической псевдонауки о воспитании.

Как Иван Владимирович Мичурин создавал в своих садах новые виды растений, так и Антон Семёнович в детском коллективе создавал нового человека.

Богатое педагогическое наследство, оставленное нам Антоном Семёновичем, ныне изучают все: родители и дети, старики и молодёжь, педагоги и учащиеся. Старшее поколение должно учиться у него воспитывать в духе коммунизма детей, подростков, юношей, девушек; младшее поколение должно учиться у него совершенствоваться и закалять себя, чтобы вместе со старшим поколением строить славное будущее – коммунистическое общество. Настала пора творческого изучения наследия А. С. Макаренко. Он верил в победу своих идей, и она пришла.

Редактор – Г. ЯРЦЕВ.

А 04122. Подписано к печати 15/IX 1953 г. Тираж 150 000. Заказ 1764.

Изд. № 711. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. 1,62 бум. л.– 4,44 печ. л.

Типография газеты «Правда» имени И.В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.